

Тальцы • 1 (20) • 2004

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
 • АРХИТЕКТУРА • ЭТНОГРАФИЯ • ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ •
 • ТОПОНИМИКА • ФИЛОЛОГИЯ •

Издается с 1996 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТНОГРАФИЯ

А.Д. Назаркин. «Аргамчи-Ыры» — большой
 праздник маленького народа 3
 ИСТОРИЯ

Д.Б. Сундуева. Два народа — два языка 10
 ТОПОНИМИКА

Р.Г. Жамсаранова. Этнокультурологический аспект
 в тунгусо-маньчжурских названиях с «рыбной»
 семантикой в топонимии Восточного Забайкалья 15
 ФИЛОЛОГИЯ

М.Л. Никифорова. Сибирский лес
 (сибирские названия леса, используемого
 в крестьянском хозяйстве) 19

МУЗЕЙНЫЕ ЗАНЯТИЯ

Н.В. Гермацкая. Волшебный сундук 25
 МУЗЕЙНЫЕ ЭКСПОЗИЦИИ

В.В. Тихонов. Усадьба Непомилуева из деревни Гарманка ... 34
 ВЫСТАВКИ

М.Л. Никифорова. «Новогодняя сказка» в «Тальцах» 42
 НАМ ПИШУТ 49

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ

Постановление Общего собрания Союза музеев России .. 51
 КОНФЕРЕНЦИИ 54

НОВЫЕ КНИГИ 55
 ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЧКИ

М. Трофимов. Стихи 56
 НА ДОСУГЕ

Игры Архангельской области 61
 НАША ИСТОРИЯ

Журнал «Тальцы»: библиографический указатель 62

Учредитель и издатель: Архитектурно-этнографический музей «Тальцы»

ЛР 040958 от 01.04.99. АЭМ «Тальцы»

Россия, 664011, г. Иркутск, ул. Халтурина, 2. Тел. (8-3952) 33-47-05

Редакционная коллегия: канд. ист. наук Т.А. Крючкова, канд. ист. наук Ю.П. Лыхин (отв. секретарь), А.К. Нефедьева, В.В. Тихонов (гл. редактор)

Редактор-составитель номера: Ю.П. Лыхин

Редактор: Г.Д. Лопатовская

Компьютерный набор: О.А. Стафеева

Оригинал-макет: Ю.С. Макарова

Подготовка к печати: Изд-во «Макаров»

Свидетельство о регистрации № И-0236 от 21 декабря 1995 г., выдано Региональной инспекцией по защите свободы печати и массовой информации.

Адрес редакции: Россия, 664011, г. Иркутск, ул. Халтурина, 2. Тел. (8-3952) 33-47-05, факс (8-3952) 20-10-92. E-mail: talci@irk.ru

На обложке:

С. 1 — *Дом Я. Непомилуева в музее «Тальцы». Фото В. Тихонова*

С. 2 — *Интерьер горницы в доме Я. Непомилуева. Фото В. Тихонова*

— *Русская печь в доме Я. Непомилуева. Фото В. Тихонова*

С. 3 — *Экспонаты выставки «Новогодняя сказка» в музее «Тальцы». Фото И. Бержинского*

С. 4 — *Окно горницы в доме Я. Непомилуева. Фото В. Тихонова*

Подписано в печать 20.02.04. Формат 60x90 1/60. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,5. Уч.-изд. л. 4,0. Тираж 1000 экз. Заказ № 4073. Цена свободная.

Отпечатано в Изд-ве «Макаров», тел. 516-460, 516-484

© АЭМ «Тальцы», 2004

«АРГАМЧИ-ЫРЫ» — БОЛЬШОЙ ПРАЗДНИК МАЛЕНЬКОГО НАРОДА

*Александр Дмитриевич Назаркин,
научный сотрудник Областного центра
народного творчества и досуга,
г. Иркутск*

За последнее десятилетие в этнокультурной жизни тофаларского народа произошли заметные изменения. В детском саду и в школе внедряется тофаларский язык, лингвистами разработана родная письменность, изданы словарь и букварь. В клубных учреждениях на сцену стали приглашать знатоков фольклора, создаются тофаларские ансамбли песни и танца, заказываются сценические костюмы с учетом национальной специфики. Каждое лето проводится большой национальный праздник «Аргамчи-Ыры».

Все это стало возможным после принятия в 1990 году постановления исполнительного комитета Нижнеудинского районного Совета народных депутатов и коллегии управления культуры Иркутского облисполкома «О возрождении и развитии национальной культуры Тофаларии». В приложении к этому документу был план первоочередных мероприятий, предусматривающий разработку положения и устава об Этнокультурном центре, проведение силами Областного центра народного творчества и досуга этнографических экспедиций по изучению народных праздников и обрядов, песенного и танцевального фольклора.

Памятный вымпел праздника

**Степан Николаевич Арактаев совершает обряд
«Кормление духов». Фото А. Бызова**

Первая экспедиция в Тофаларию отработала два полевых сезона 1990–1991 годов. В состав экспедиции вошли: методист по декоративно-прикладному творчеству Центра народного творчества Н. Ленкова, фотографы С. Падалко и С. Игнатенко, автор этих строк — этнограф и режиссер, научный сотрудник Центра. Общее руководство осуществляла В.Н. Старжевская, бывшая в то время заместителем директора Центра. Прделанная нами работа нашла отражение в материалах научных отчетов, в рекомендациях по кадровой политике, в решениях вопросов материально-технического обеспечения клубных учреждений. Была оказана методическая и практическая помощь в подготовке и проведении первого национального праздника «Аргамчи-Ыры».

В историческом прошлом, до принятия оседлости в 1927 году, кочевой народ, состоящий из пяти родов, вместе собирался лишь один раз в год — зимнее время, спускаясь в долину на административно-хозяйственный съезд, называемый «Суглан». Там охотники и оленеводы сдавали пушнину, закупали провиант, решали спорные вопросы.

Суглан как средство общения и форма объединения народа включал в себя элементы праздничной культуры. Здесь кре-

стили детей по православной вере, совершались свадебные сговоры, устраивались спортивные состязания и веселые пиры.

С меньшим размахом проходила летняя встреча, когда пара близких родов собиралась со стадами оленей на пастбище в горных гольцах. Правда, эта встреча была продолжительней и разнообразней по содержанию отдыха. Там обязательно заводили круговую игру в аркан — «аргамчи». Ременный аркан объединял всех держащихся за него руками в общий круг. Под сопровождение песни стоящий в центре круга водящий должен был добежать до края и осалить кого-либо, кто и занимал его место. С движением водящего круг перемещался, увлекая всех в веселое кружение.

Так было в прошлом. Сегодня тофалары проводят летний праздник под названием «Аргамчи-Ыры», что означает «Арканьи игры». Праздник этот устраивается и проводится по определенному плану и заранее детально выработанной программе. Вот как выглядел рабочий документ о проведении первого фольклорного праздника Тофаларии.

Цели и задачи: праздник проводится в целях возрождения народной культуры, развития самостоятельного творчества, физической культуры и культуры общения в сфере досуга населения Тофаларии.

Сроки проведения: праздник проводится в летние дни, 6–7 июля 1991 года в поселке Алыгджер.

Участники праздника: в празднике принимают участие делегации от трех поселков Тофаларии в количестве 24 человек разного возраста, в том числе: официальная делегация — три человека, художественный коллектив и спортивная команда.

Порядок проведения: программа праздника предусматривает этнографичес-

*Участник фольклорного конкурса
Прокопий Иванович Унгуштаев.*

Фото А. Бызова

Выступление народного ансамбля «Быстроногие олени».
Фото А. Бызова

кий конкурс, смотр фольклорных коллективов, спортивное состязание по национальному многоборью на звание «Мэргэн Тофаларии».

Программа этнографического конкурса: устройство чума, устройство очага, приготовление национального блюда, выставка предметов быта (одежда, обувь, головные уборы, украшения, утварь домашнего обихода, работы мастеров декоративно-прикладного искусства).

Программа фольклорного конкурса: исполнение народных песен, танцев, былин, сказаний; показ и разучивание национальной игры; показ обряда (по выбору).

Программа спортивного конкурса: национальное многоборье: борьба — «Хуреш», бега на оленях — «Маргыш», стрельба в цель, метание аркана — «Соотуг», поднятие тяжести, камня по затесам — «Мерклер таш», товарищеские встречи по футболу, волейболу, легкой атлетике, эстафета-бег 4 x 100 метров.

Критерии оценок конкурсов: этнографический конкурс — владение традиционными навыками; фольклорный конкурс — исполнительское мастерство, знание фольклора, владение языком; спортивный конкурс — спортивные достижения. Конкурсы оцениваются по пятибалльной системе. Командные места определяются по сумме баллов по отдельным конкурсам.

Коллективы-победители и победители в индивидуальном состязании награждаются призами оргкомитета.

Оргкомитет принимает все решения, ведет подготовку праздника, обеспечивает финансирование, проводит работу по бла-

гоустройству территории, организует перевозку участников вертолетами, обеспечивает размещение гостей и правопорядок. Координаторами и исполнителями проекта праздника являются работники учреждений культуры района.

Приводим сценарный план того, самого первого праздника в 1991 году, на котором мы присутствовали. Местом проведения праздника служила большая поляна у опушки леса на краю поселка. Это место, по замыслу организаторов, носило условное название «стоянка». Собравшуюся публику приветствовали и поздравляли представители власти. Под звуки «мургу» (охотничья труба-манок) съезжались делегаты от трех поселков и у могучей лиственницы (условное название «шаман-дерево» или «священное дерево») совершался обряд дарения «хозяина» этих мест (подвязывались разноцветные лоскутки). Старейшина зажигал костер и исполнял песню освящения огня. Затем начиналась концертно-конкурсная программа, которая велась на русском и тофаларском языках. Звучали народные песни на тофаларском языке: «Спускаясь по Додоту», «Летняя стоянка» и др. Исполнялись эстрадно-хореографические номера: «Танец оленей», «Солнечный луч и подснежники», «Легенда о черном орле», «Танец зайца». Тут же рассказывались сказки: «Медведь и собака», «Почему медведь спит», «Почему

Бега на оленях. Фото А. Бызова

Соревнование по поднятию тяжести. Фото А. Бызова

бурундук полосатый». Загадывались загадки, разыгрывались сценки, пелись тофаларские частушки. Программа завершилась игрой в аркан — «аргамчи», которая объединяла всех присутствующих в общий круг.

После двухчасового перерыва на обед начинались спортивные состязания по национальному многоборью на звание «Мэргэн Тофаларии».

В бегах на оленях — «Маргыш» — задействовано не более шести оленей, отобранных в стаде. Бегают верхами на седлах с подстилкой. Дистанция 500 метров. Кто быстрее пройдет расстояние, тот и победитель.

В стрельбе из карабина по мишени на расстояние в 100 метров все стрелки становятся за барьер и стреляют поочередно. Каждый делает по три зачетных выстрела. Победитель тот, кто больше выбьет очков.

В борьбе «Хуреш» участников разбивают по парам для единоборства. Борцы сходятся, «пробуют» друг друга, хватая за руки, пытаясь обхватить шею, применяют вольные приемы, захват руками головы, ноги и ряд других приемов. Победенным считается тот, кто первым упадет на землю. Когда все пары переборолись, победители продолжают борьбу между собой на первенство.

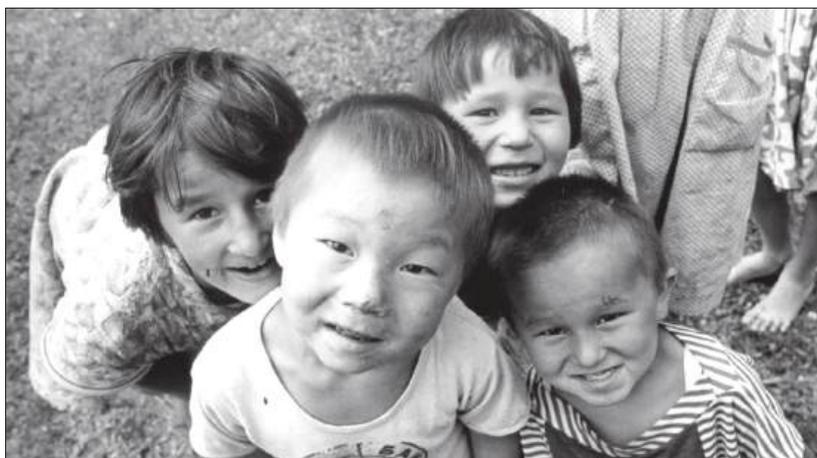
Состязание по поднятию тяжести — «Мерклер таш» — проходит у подножия крепкой лиственницы. Поднимается каменный валун весом около 70 килограммов. Валун нужно оторвать от земли, высоко поднять на вытянутых руках и опустить на ствол дерева, оставив след от удара. На эту отметку ориентируется следующий участник. Трое отличившихся продолжают состязаться между собой на первенство.

После награждения призами и подарками победителей

спортивного конкурса и после перерыва участники продолжают праздник у конкурсных чумов, где угощают национальными блюдами, сваренными здесь же, на костре, мясным отваром «бухулёр», печеными лепешками, шашлыками. Праздник завершился в сумерках у большого костра, где продолжалось уже неформальное общение молодежи.

Оценивая сегодняшнее состояние празднично-игровой культуры тофов, необходимо иметь в виду, что экономическая ситуация последних лет внесла свои изменения в праздничный процесс. С ликвидацией коопзверопромхоза праздник потерял своего главного спонсора. Дороговизна авиаперевозок заставила отказаться от формы представительного съезда, и праздник проводится, что называется, местечково, по поселкам. Некогда большое стадо оленей в 1500 голов теперь едва насчитывает 300 животных, и на бегах стали использовать лошадей.

Но несмотря на качественный спад, праздник продолжает возбуждать интерес населения, внося все-таки большое оживление в монотонную жизнь тофов. Он по-прежнему объединяет население, обращая его внимание на возрождение и развитие собственной национальной культуры. Люди продолжают участвовать в художественной самодеятельности, растет число творческих коллективов. Этот процесс затрагивает даже детей раннего возраста. Как отрядный пример можно привести работу детского сада поселка Алыгджер, где ведется курс по народоведению и проводится детский праздник «Аргамчи-Ыры».

Тофаларские дети. Фото А. Бызова

ДВА НАРОДА — ДВА ЯЗЫКА

*Дина Борисовна Сундуева,
преподаватель Агинского филиала
Забайкальского государственного
педагогического университета,
пос. Агинское Читинской области*

Политические и общественные потрясения в современном мире выдвинули на передний план проблему языка как необходимого фактора обеспечения социальной стабильности. Согласно концепции устойчивого развития, принятой ООН в 1992 году, со-

циальная гармония в XXI столетии возможна на основе новых ценностей, нового уровня взаимопонимания между представителями различных этнических и социальных групп. Без языковой коммуникации это невозможно.

В процессе социокультурного развития России и отдельных ее регионов небезынтересно проследить историю межъязыкового взаимодействия на территории Агинского Бурятского автономного округа (АБАО) Читинской области.

Формирование двуязычия на территории АБАО в дореволюционный период прошло определенные этапы в своем развитии. Известно, что первые русские поселенцы для постоянного проживания прибыли на

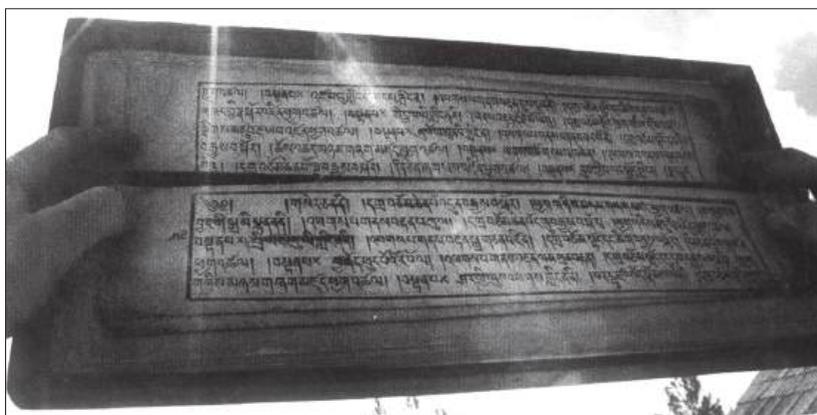

**В Агинском буддийском дацане,
построенном в 1816 г.**

территорию степной Аги во второй половине XVII века. Местной властью им был отведен участок земли в долине реки Хойто-Ага. Здесь обосновались семьи Татауровых и Наумовых. Совместное проживание двух народов (русского и бурятского) способствовало формированию двух типов двуязычия: бурятско-русского и русско-бурятского. Первоначально русско-бурятские контакты сформировали в XVII–XIX веках двуязычие русских. Немногочисленное русское население было вынуждено изучать бурятский язык. Старейший житель поселка Агинского Г.Г. Татауров в своей книге «Назад, к истокам» пишет следующее: «В селе Ага в 1801 году обосновались переселившиеся с 1745 по 1801 годы три ветви рода Татауровых. Все в роду Василия Петровича свободно владели русским и бурятским языками. И до сего дня потомки прародителя двуязычны» (2, с. 35).

По свидетельству старожилов, многие русские не только владели разговорной бурятской речью, но и знали старомонгольскую письменность. Бурятское же население в целом оставалось моноязычным, хотя среди бурят было в то время немало высокообразованных людей, прекрасно владеющих как русским, так и европейскими языками.

Как видно из архивных материалов, на территории Агинской степной думы в 1842 году «изъяснявшихся и писавших» по-русски было лишь 13 человек (1). Открытие в 1842 году Агинского приходского училища, первого учебного заведения в Аге, стало важной вехой в освоении бурятами русского языка. Первым учителем русской грамоты был назначен Иван Зосимович Гантимуров — потомок тунгусского рода, выпускник Нерчинского уездного училища. Большой вклад в дело

Фрагмент богословской книги на тибетском языке

Здание Агинского приходского училища, открытого в 1842 г.

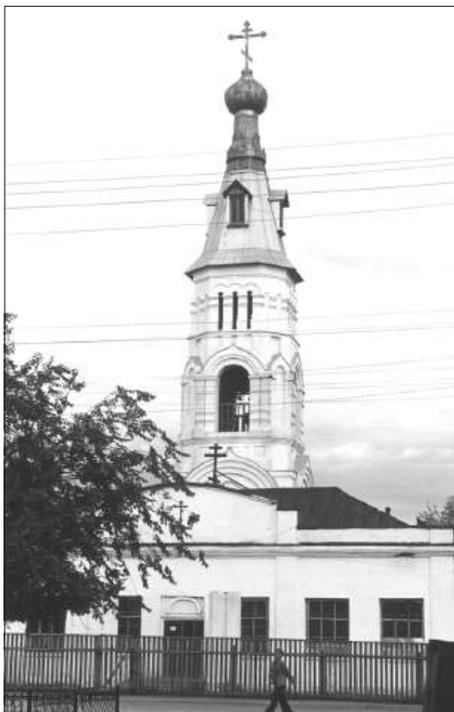
обучения бурятских детей русскому языку внес и Убаши-Цыбик Онгодов — первый из агинских бурят ставший учеником русского учебного заведения. У.-Ц. Онгодовым был переведен на бурятский язык учебник К.Д. Ушинского «Родное слово».

Открытие Агинского приходского училища, бескорыстное преданное служение первых учителей русской грамоты, политика администрации Забайкальской области в сфере народного образования, направленная на изучение русского языка, — все это, безусловно, способствовало развитию двуязычия бурят.

Вместе с тем было бы неправильным считать, что в этот период русский язык наряду с бурятским становится полноценным средством межнационального общения. Об этом говорят следующие факты. 16 мая 1897 года учитель Агинского приходского училища П.Д. Мурзин обратился в Агинскую степную думу с докладной, в которой сообщалось: «Во вверенном мне училище обучаются мальчишки-буряты, не знающие русского языка. В свое пребывание в школе они не научаются сносно говорить по-русски» (4, с. 138).

По данным подворной переписи 1908 года, среди «иностранцев бурят была распространена грамотность по-монгольски» (перепись регистрировала грамотных по-монгольски, по-русски и по-тибетски). Тибетская грамота, как отмечается в документах переписи, была распространена главным образом среди лам, русская — среди более зажиточного населения. Согласно переписи, из 39 тысяч иностранцев-бурят только 416 человек

владели русским языком. За период с 1842 по 1908 год число владеющих русским языком увеличилось всего на 403 человека. «Это ли не яркий признак ничтожного влияния русских на бурятскую народность?» — писал в 1908 году член Императорского Русского географического общества Д.М. Головачев. Кроме того, он подчеркивал, что в это число включено и село Агинское с оседлым «почти обрусевшим» населением. Из 416 грамотных по-русски на долю оседлых села Агинского приходится 72 человека, а на долю кочевых — 343. «Нужно ли особо указывать, — пишет Д.М. Головачев, — что женщин, знающих русский язык (хотя бы только умеющих читать по-русски), самое ничтожное число. Из среды кочевых инородцев таковых нашлось только 7 женщин» (3, с. 56).

Агинская Свято-Никольская церковь, основанная в 1859 г.

После революции 1905 года усилился интерес к национально-языковым вопросам. Высказывались мнения о введении обязательного государственного языка, на роль которого претендовал язык наиболее многочисленной национальности. На фоне общедемократического подъема после революции 1905 года нарождающаяся местная интеллигенция стремилась к просвещению своих земляков. Лучшие сыны бурятского народа мечтали, с одной стороны, о введении обязательного всеобщего обучения на родном языке, с другой стороны, о приобщении своих соплеменников к русской и мировой культуре. К этому времени относится деятельность Бато-Далая Очирова — известного общественного деятеля, депутата II Государственной думы от забайкальских бурят, старшины Агинской инородческой волости, пользовавшегося уважением бурятского, русского и тунгусского населения. Бато-Далай Очиров был убежден, что широкое распрост-

***Открытие Агинской окружной гимназии — центра развития диалога культур сегодня.
29 июня 2002 г.***

ранение народного просвещения среди агинских бурят ускорит их приобщение к русской культуре. Он вел активную пропаганду среди бурят за открытие школ общерусского типа. И, несмотря на сопротивление родовой знати, сумел добиться открытия общеобразовательных школ с факультативным преподаванием монгольского языка. Широкая просветительская деятельность Б.-Д. Очирова и его авторитет среди населения стимулировали развитие двуязычия, готовили почву для освоения русского языка бурятами.

Развитию двуязычия агинских бурят в определенной степени способствовали деятельность Агинской миссионерской Николаевской школы и Читинского мужского пансиона. Так, по

данным У.-Ц. Онгодова, в пансионе обучалось в 1865 году — 16, в 1866 — 25, в 1868 году — 30 бурятских мальчиков.

После 1917 года наступает новый этап в становлении общества. В основу языкового строительства была положена ленинская национальная политика. Социально-политические изменения, которые произошли после Октябрьской революции, способствовали развитию русского языка как языка межнационального общения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный архив Республики Бурятия, ф. 129, оп. 1, д. 2, л. 239.
2. Татауров Г.Г. Назад, к истокам. — Агинское, 2002.
3. Труды агинской экспедиции. — Чита, 1911. — Вып. VII.
4. Тумунов Ж.Т. Очерки из истории агинских бурят. — Улан-Удэ, 1988.

ЭТНОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ НАЗВАНИЯХ С «РЫБНОЙ» СЕМАНТИКОЙ В ТОПОНИМИИ ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ

*Раиса Гендыбаловна Жамсаранова,
преподаватель средней школы № 13,
сотрудник лаборатории
культурной антропологии
Забайкальского государственного
педагогического университета,
г. Чита*

Тунгусо-маньчжурский стратиграфический пласт в топонимической системе Восточного Забайкалья является не только самым многочисленным, но и менее изученным в региональной топонимике. В данной статье представлено описание тунгусо-маньчжурских названий, предположительно зоонимического происхождения.

Этнографические особенности эвенов, эвенков, негидальцев и других народностей тунгусо-маньчжурской языковой общности свидетельствуют о роли рыбного промысла в системе «бытийных» ценностей. Естественно, что эта черта уклада этноса не могла не отразиться в географических именах собственных.

Лексико-семантический анализ топонимов, образованных от аппеллятивной лексики с основой *олдо/олло* — «рыба», позволяет утверждать о ее высокочастотности в географических названиях Восточного Забайкалья: Олгонда (приток р. Витим), Олдонда (приток р. Онон), Олёкма (приток р. Витим), Олов, Тунгусский Олов (приток р. Куэнга), Олонго (приток р. Калакан), Олонгро (приток р. Могоча), Олошка (приток р. Олёкма), Оля (приток р. Нерча).

Примеры названий с «рыбной» семантикой отражают реализацию одного из главных принципов номинации, выделяемых лингвистами, — номинацию объекта по связи его с человеком (4). Кодовым набором признаков, реализовавших этот принцип номинации, явилось выделение характерной особенности конкретного географического объекта, а именно — наличие рыбы в реке.

Топонимическое название — это прежде всего экспликация в языке этнической «картины мира», сформированного хозяйственно-бытовой ценностью реки или озера в понятийной сфере этноса. Интересно, что в топонимии Восточного Забайкалья нашло отражение и знание тунгусо-маньчжурами промысловых пород рыбы — тайменя, хариуса, осетра.

Замечено, что «...эвенкийские слова *дели/дзели* — „таймень“ распространены в топонимических названиях Сибири». Утверждая это, исследователь С.А. Гурулёв в статье «Эвенкийские топонимы от названий рыб» пишет, что «*дели/дзели* — это наиболее распространенные названия рыбы...» и «...географические названия, образованные от названия тайменя, надо считать не сугубо эвенкийскими, а тунгусо-маньчжурскими» (2, с. 29).

Объективность данного наблюдения подтверждается фактом фонетических явлений, замеченных в забайкальских топонимических названиях с основой на *дели/дзели*. Группа географических названий с основой *дели* — «таймень» многочисленна — Делинда (приток р. Шилка), Делахи (приток р. Куанда), Делинга (приток р. Витим), Делир (приток р. Итака), Дэлингдэ (приток р. Чара), Дялингдэ (приток р. Витим). Гидронимические названия от лексемы *джалу/джели/джил* — «таймень» преобладают в количественном отношении: Джалу (приток р. Желтула), Желтула (приток р. Нюкжа), Джила, Барун-Джила, Зун-Джила (приток р. Ингода), Нижняя Джилинда (приток р. Ципа), Жалю, Жало, Зола (приток р. Газимур), Убэр-Жэлыхэн (приток р. Джила).

Заслуживает внимания факт лингвистической адаптации названий в других языковых пластах, например, в бурятском — Убэр-Жэлыхэн. Начальная аффриката *дж/дз* диалектного эвенкийского языка в бурятском языке превратилась в *ж*, присутствует сингармония гласных. Эвенкийский суффикс уменьшительности *-кан* превратился в бурятский

-хэн, также характеризующий величину, незначительность данной реки.

Бурятской топонимии присуща детализация при номинации с помощью атрибутивных лексем типа *убэр* — «южный», *ару* — «северный»; *хойтэ* — «восточный», *урда* — «западный» и т. д. Река Убэр-Жэлыхэн, вероятно, должна была отличаться от такой же небольшой реки — притока Джилы и, видимо, потому и была названа «южная Жэлыхэн» в отличие от Ару-Жэлыхэн — «северной Жэлыхэн». Встречаются и двуязычные топонимы — плеоназмы: Джелтула, где *джел* — «таймень» (эвенк.) + *-тула* — «таймень» (бурят.) (5).

Топонимических названий от лексем *тана/танга* — «осетр» в топонимии Забайкалья немного: Танга (село и озеро в Улётовском районе), река Танга (приток р. Ингода), река Танга-Северная (приток р. Хилок), река Тангая, река Танагра (приток р. Ненюга), река Танатра. Название другой ценной породы рыбы — *ниру/нер/ниручан* — «хариус», распространенной в Забайкалье повсеместно, также встречается, но в определенном ареале — в бассейнах рек Олёкма, Шилка: Нирунгнакан (приток р. Чара), Нерунгда (приток р. Ципикан), Нерунда (приток р. Витим), Нерчуган, Нерча.

Тунгусо-маньчжурские названия в топонимической системе Восточного Забайкалья представлены именованиями удэгейского происхождения: река Саунда (приток р. Каренга) от *дзауна* — «ленок», река Гускэнгрэ от *гуэсэ* — «щука», озеро Даватчан от *дава* — «кета» (3, с. 32).

О наличии кеты в забайкальских озерах пишет В.Ф. Балабанов в книге «В дебрях названий», где он отмечает, что «...под этим названием известен особый вид рыбы — форели, которая водится только в озерах Читинской области». Далее В.Ф. Балабанов продолжает, что «...рыба даватчан действительно имеет особую окраску, она похожа на форель, по бокам — красные пятнышки, мясо оранжевое, икра как у кеты». При этом он ссылается на слова эвенка А. Григорьева из села Чара, который пишет, что эту рыбу эвенки называют гольцом, а слово «даватчан» происходит от эвенкийского *дэвэчэнгнэ* — «окрашенный» (1, с. 31).

Таким образом, топонимические названия с «рыбной» семантикой отражают специфику номинации тунгусо-маньч-

журскими народами места своего обитания. Рыболовство как один из видов хозяйственно-промысловой деятельности тунгусо-маньчжурских народностей определяло принцип номинации речных и озерных образований, отражая характер свойств и признаков, положенных в основу имянаречения географического объекта.

Лексическое множество названий рыбных пород у тунгусо-маньчжурских народов свидетельствует о различии ими и роли рыбы в быту. Эвенки, эвены, удэгейцы использовали рыбу в пищу, шили из рыбьей кожи одежду, употребляли в качестве одного из компонентов в лекарственных сборах. Клей из рыбы широко применялся в быту, хозяйстве. Ценность рыбного промысла была тем фактором, который обусловил, полагаем, наличие подобных географических названий.

Таким образом, топонимические названия в состоянии представить не только интересные лингвистические процессы и явления, но и этнокультурологические сведения об укладе жизни и о быте народов прошлого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балабанов В.Ф. В дебрях названий. — Иркутск, 1977.
2. Гурулёв С.А. Эвенкийские топонимы от названий рыб // Тальцы. — 1998. — № 3.
3. История и культура удэгейцев. — М., 1989.
4. Ковалёва Н.Б. К вопросу о принципах номинации в топонимике (на материале географических названий бассейна р. Ини) // Вопросы топономастики. — Свердловск, 1971. — Вып. 5.
5. Тунгусско-русский словарь / Сост. Е.И. Титов. — Иркутск, 1926.

СИБИРСКИЙ ЛЕС
 (сибирские названия леса, используемого
 в крестьянском хозяйстве)

*Марина Леонидовна Никифорова,
 научный сотрудник Архитектурно-
 этнографического музея «Тальцы»,
 г. Иркутск*

Диалектная лексика — щедрый и достоверный источник для изучения истории края. Особенностью диалектного слова, его основным признаком является употребление на ограниченной территории и его отсутствие в любой разновидности литературного языка. Лексика говоров богата словами, отражающими своеобразие природных условий той или иной местности, особенности хозяйственной жизни и быта населения.

Для диалектной лексики характерна детализация наименований, относящихся к ведущей отрасли хозяйства или связанных с особенностями местного ландшафта. Сибирь занимает обширные лесные территории, поэтому лес и лесные промыслы играют большую роль в жизни местного населения. Лес — это строительный материал, топливо, сырье для различных видов промысла, это место для охоты и собирательства, не случайно в говорах Сибири широко распространены названия леса, его разновидностей, различных мест и участков в лесу.

Первые русские поселенцы появились в Сибири в конце XVI века. Оказавшись в таежном крае, русские сибиряки предпочитали жить в срубных избах. Для строительства использовались деревья хвойных пород: сосна, лиственница, кедр, пихта, ель. Чаще всего для дома заготавливали сосну, а на нижние венцы, на балки под полом и столбы по углам шла лиственница. Бревна лиственницы под действием влаги не только не гнили, но и становились еще более прочными, красными, как бы закаменевшими так, что при рубке из-под топора летели искры. Во многих сибирских говорах такое дерево называли **кремень, кремь**.

На дом должен был идти лес наивысшего качества, выби-

рали деревья длинные, ровные, прочные, с малым количеством сучков, такой лес называли **длинняк, равнина, кондач, кондовый, кондови́к** и т. п. Если материал соответствовал не всем этим качествам, то он уже считался непригодным для строительства дома, но вполне мог пойти на хозяйственные постройки, например, на заплот, дранку, тес для покрытия крыши. Отсюда и названия **заплотник, пиловник, дранной, сутунок** и др.

Древесина кедра считалась мягкой и шла в основном на отделку избы: на косяки, двери, наличники, полы, лавки, рамки.

В крестьянском хозяйстве активно использовалась древесина березы — прочный и гибкий материал. Из березы изготавливали полозья, копылья для саней, посуду, прялки, обручи для бочек и многие другие вещи. Такой материал называли **полозняк, копыльник, коренушка**.

Ниже представлена выборка из сибирских диалектных словарей, в которую вошли названия леса, применяемого в крестьянском хозяйстве для различных нужд. Также сюда вошли общие названия леса как древесины: **лес, лесина, деревина** и др. Все слова сопровождаются примерами простонародной речи, характерной для сибирских говоров, эти примеры являются ценным материалом для этнографических исследований.

В скобках указан источник.

Берест. Строевой лес, используемый в различных плотничьих делах. = *Берест мы зовем большой, крепкий, высокий лес, развилистый, толстый* (3, с. 26).

Винтнóй. Свилеватый (о дереве). = *Попалось винтное дерево, так ни одной чурки расколоть на могли. = Винтное дерево почти никуда не годится. Винтное дерево разве что на столб для заплота пойдет* (7, с. 78).

Деревина. Дерево. = *Кака диревина? Фсё больше лисвень завут. Малинку-то иё так не называют. Дирявина — это большие деревья* (1, с. 105).

Длинняк. Длинный строевой лес. = *Длинняк — длинные лесины, на постройку идет, а если короткие, то уж на дрова. Длинник на дома идет* (3, с. 126).

Долгомерный. Высокий, стройный, кондовый лес. = *Отвел мне лесничий долгомерный лес и сказал: добрый долгомерный лес, руби на счастье дом* (7, с. 102).

Дранной. Пригодный для изготовления дранки (о лесе). = *Лес у нас дранной за самой древней начинается* (7, с. 103).

Драньё. Тонкие доски, изготовленные путем расщепления бревна с помощью специального крюка. = *Счас крыши тесом кроют, а ране драньём крыли* (4, с. 106).

Жировой, жировой, жаровой. Высокий, прямой, чистый, строевой (о лесе, деревьях). = *Жировое дерево, если оно чисто, сыро, тако дерево без сучьев, мало сучьев, нет ничо на ей.* = *Жировой лес — это тонкий лес и длинный, и сучьев мало на нем* (3, с. 149).

Заплотник. Лес, пригодный для постройки забора, изгороди. = *Заплотник — то лес для изгороди* (3, с. 180).

Заплотный, заплотный лес. Лес, пригодный для заплота. = *Заплотный-то лес рядом, а вот добрый для стройки далеко-вато отседа* (7, с. 126).

Каренга. Толстая часть ствола березы от корня до первых сучьев. = *Целый воз каренг нарубили, в хозяйстве пригодится* (7, с. 151).

Колодник, колодина. Толстый ствол упавшего дерева, колода. = *Вон на пастушьей заимке колодник цельный, его колят на плаху али на сутунки* (3, с. 230).

Кондач. Крупный сосновый лес, составляющий ценный строительный материал. = *Кондач — кондовый лес, самый строевой, высокий.* = *Он прямой стоит, очень красивый, дом строят. Кондач, он такой прямой. А если морковник, он такой суковатый, низко присядет, тоже лес* (5, с. 130).

Кондовик. Крупный высококачественный строевой лес. = *Кондовик на постройку идет.* = *Кондовика на дом хватит* (7, с. 160).

Кондовый. С прочной древесиной и малым количеством сучков (о деревьях). = *Кондовое дерево — хорошее дерево, болони в ем мало, все сердцевина* (3, с. 162).

Копыльник. Высококачественная береза, из которой делали копылья для саней. = *Будто кто специально копыльник насадил, березы, что топор не берет* (7, с. 163).

Коренушка. Нижняя часть ствола дерева с корнями. = *Из коренушки делали прялки, ложки, чашки* (5, с. 35).

Красный лес. Сосновый лес как строительный материал. = *Сейчас больше ценится красный лес, сосна, из его дома рубили* (3, с. 248).

Кремель, кремень, кремнина, кремь, крень. Крупнослойная твердая древесина. = *Кремень — кремневое дерево, оно смолевое с северной стороны.* = *Кремель — одна сторона*

мягкая, а другая — одна смоль, не дает резать, пила гнется. Это кремлёвое дерево. = Кремь — лесина красная в середине. = Крень — северная сторона, а юг — суховата (3, с. 248).

Кремлістый, кремлёвый. То же. = Кремлистая — это сосна крепкая. Вот распили ее и оставь на солнышке. Она выгнется вся, крепкая шибко, аж блестит, идет на амбар. = Когда у дерева слоя крупные и широкие, тогда и дерево кремлево называется (3, с. 248).

Крепёжник. Лес, идущий на крепление рудничных шахт. = Крепежник — лес тонкий, шел на шахты (3, с. 248).

Лес, собир. Порода, вид деревьев. = Таки всякий лес в бору: и красный и всякий (3, с. 274).

Лесина, уменьш. **лесинка.** Отдельное дерево, чаще срубленное или спиленное. = Там уж лесины-то он какие выросли (5, с. 64; 3, с. 274).

Листвяк. 1. Лиственничный лес. = Сразу за домом начинается листвяк. 2. Лиственница. = Листвяк — дерево крепкое, оно не плавится, тонет (7, с. 186).

Листвень, листва, листвения, листвик, листвяник, листвянка, листвяно дерево. Лиственница (3, с. 277). = Листвень — само крепко дерево. Листвень, сосна, кедры в падах растут (5, с. 66).

Марена. Хорошо высохшее бревно. = Чтоб хороший стол али табурет сделать, шкаф смастерить, дед мой марены заготовливал. Брал он несколько бревен без сучьев, закатывал под сарай и там без солнца держал их года 3, получалась марена. Из этих марен стол али стул, так он звонкий (7, с. 210).

Материчный. Крепкий, твердый (о лесе, дереве и т. д.). = Кондовый лес — это плотные деревья внутри, материчные. = За большими, старыми материчными соснами в лес с отцом ездила, когда дом строили (3, с. 292).

Матёрый. С прочной древесиной и малым количеством сучков (о дереве) (3, с. 292).

Обняк. Вид березы, который хорошо гнется. = Из обняка не только обручи делают, но из обняка и полозья гнут, и вязы хорошо выходят. = Обняк встречается везде: и на сырых, и на горных местах. = Обняк толстым не растет, это тонкая береза, у которой кора немного желтит (7, с. 252).

Оболонок. Горбыль, подгорбыльник. = Брус добрый полу-

чился, а обolonки так себе, пожалуй, в дело не пойдут, разве что на забор (7, с. 253).

Оболонь. Неошкуренное бревно. = Если оболонь год пролежит, то под корой все дерево черви изъедят. = Оболонь обделать надо прежде, чем на дом пустить. Оболонь на доски пойдет. = Не успел кору ободрать, так лес оболонью на зиму остался (7, с. 253).

Палчина. Тонкие деревья, заготовленные на жерди. = Три воза палчины заготовили, весной вывезу домой (7, с. 285).

Пиловник. Лес, идущий на распиловку; пиловочник. = Из пиловника на тес, на крыши плахи делают (3, с. 387).

Полозняк. Тонкий стройный полозник. = Потому его полозняка звали, што из любой березы полозья гнуть можно. = За полозником сами мужики смотрят и на дрова его рубить не дают (7, с. 316).

Поречный. Растущий по берегам (о лесе). = Поречный лес всегда добрый (7, с. 320).

Порубень. Бревна одного размера. = Плотники за дом рубить дешевле взяли, потому что из порубня рубили. Порубень заготовлен 5 лет назад, одно бревно к другому, что толщиной, что длиной (7, с. 321).

Равнина. Бревно или полено без сучьев. = Лес на дом заготовили — одна равнина. = Жалко такую равнину на дрова (7, с. 344).

Рванец. 1. Крайняя или вторая с краю доска при распилке бревна, горбыль, подгорбылье. = На забор и рванец пойдет. Куда же больше ты рванец израсходуешь. 2. Дранка. = Рванец драть, рванцем стайку покрывать. Привез из леса сухой рванец, рванец веснусь заготовил (7, с. 356).

Рядник, рядник. 1. Изгородь в две-три жерди. Загородка без крыши. 2. Частый молодой лес, идущий на ограды. = Богатый мужичонка срубил ряднику два воза из общественного леса (3, с. 479).

Сосновник. Сосновый лес, сосняк. = Первые поселенцы приехали, тайга была кругом, разрубили сосновник, избы клали из него (3, с. 511).

Судострой. Строевой лес высшего качества. = Судострой — лесина прямая, без сучьев, длинна (3, с. 525).

Сутун. Большое бревно. = Сутунок — бревно средней величины, а сутун — большое бревно. Его пилят на плахи, на тес: на плахи не толсты (6, с. 55).

Сутунок. 1. Бревно без сучьев и коры, идущее на изготовление дранки. = *Чтобы покрыть дом и сарай, ушло 3 воза сутунок. Сутунки оказались добрыми и дранье из них надрал ровное* (7, с. 403). 2. Толстое бревно, обрубок дерева. = *Чтоб избу поставить, надо сутунки, это толстые бревна по-вашему* (6, с. 55).

Сырняк. Лесной материал на корню. = *Сырняк — эта ище на корню. Сырняк — сырой лес, там и сосняки и березняк* (2, с. 39).

Тайги. Тайга. = *Кондовый лес в тайгах, а у нас нет* (3, с. 531).

Телеграфник. Лес, идущий на телеграфные столбы. = *Телеграфник — самое хорошее дерево, прямое, для столбов* (3, с. 534).

Тынник. Тонкие деревца, из которых делают изгородь. = *Агарод загараживали тынником* (2, с. 51).

Урман. Хвойный лес, идущий на строительство. = *Урман — это красный лес, далеко отсель. = Лес кондовый — это сосна, с урману привозили* (3, с. 556).

Читок. Береза, заготовленная на дрова, строительство и т.д. = *Возов 5 читка на зиму приготовили. = Читок разный, в хозяйстве все идет* (7, с. 454).

Шигда. Дерево, комель и вершина которого не имеют большой разницы в толщине. = *Только шигду на дом и рубили. Самое выгодное шигду заготавливать* (7, с. 463).

ЛИТЕРАТУРА

1. Иркутский областной словарь: А–К. — 2-е изд., испр. — Иркутск, 1999. — Вып. 1.

2. Иркутский областной словарь: С – Ячный. — 2-е изд., испр. — Иркутск, 2002. — Вып. 3.

3. Словарь русских говоров Новосибирской области. — Новосибирск, 1979.

4. Словарь русских говоров Прибайкалья. — Иркутск, 1986. — Вып. 1.

5. Словарь русских говоров Прибайкалья. — Иркутск, 1987. — Вып. 2.

6. Словарь русских говоров Прибайкалья. — Иркутск, 1988. — Вып. 4.

7. Элиасов Л.Е. Словарь русских говоров Забайкалья. — М., 1980.

ВОЛШЕБНЫЙ СУНДУК

*Наталья Владимировна Гермацкая,
научный сотрудник Белорусского
государственного музея
народной архитектуры и быта,
г. Минск*

Вниманию читателей предлагается музейное занятие для детей младших классов. Цели занятия «Волшебный сундук»: привести примеры тканых вещей, сообщить детям об их применении в повседневной жизни и обрядах белорусов; дать представление об орнаменте тканых вещей; на примере иллюстраций орнамента попробовать раскрыть значение некоторых его элементов. В занятии наряду с методами педагогического процесса, такими как рассказ, объяснение, беседа, практические методы, используется метод погружения в прошлое при помощи «волшебного» сундука. Все тканые вещи и одежда представляются в качестве приданого невесты и достаются из сундука.

Музейный педагог (М. п.): Добрый день, дети! Сегодня мы продолжим разговор, который начали на прошлом занятии. Кстати, напомните, про что мы с вами говорили?

Ответы детей.

М. п.: Говорили мы про ту нелегкую работу, в результате которой получается льняное полотно. Какие же вещи из этого полотна делали — про это мы узнаем сегодня. А поможет нам вот этот старый сундук (белорус. «куфар»). Спросите у ваших бабушек, что такое «куфар». И вы услышите долгий рассказ, в котором будут присутствовать и сваты, и свадебный поезд, и торжественный перевоз невесты в дом жениха. Возможно, в сених или чулане старого бабушкиного дома найдется и сам «куфар» — низкий сундук с выпуклой крышкой, на ножках или колесах, с ручками по бокам. На зеленом, голубом или вишневом фоне видны букеты цветов, цепочки узора или просто волнистые линии. Как-то неудобно ему среди хозяйственных вещей, которыми заставлен чулан. И правда, не так давно у сундука была довольно почетная роль. Он стоял на самом

видном месте в избе, и девушка складывала в него приданое: постельное белье, одежду, рушники. До свадьбы сундук необходимо было заполнить доверху. И вот приходило время, когда девушка прощалась с родным домом, переезжая к своему суженому. Сундук с приданым погружали на воз или в сани и торжественно везли по деревне: «Смотрите, какая умелая и трудолюбивая девушка!»

Давайте с вами откроем сундук и посмотрим, что ж там хранили.

Среди тканых вещей приданого достойное место занимал рушник. Рушников к свадьбе нужно было сделать пять, десять, а то и больше. Как вы считаете, почему?

Ответы детей.

М. п.: Рушник использовался на протяжении всей свадьбы. Во время сватания нежелание отдавать дочь замуж иной раз родители объясняли и тем, что нет у нее еще достаточного количества рушников. Но если согласие на свадьбу давалось и невеста шла приглашать на нее гостей, то на руку она набрасывала рушник. При входе в избу молодая тянула рушник по земле, что должно было способствовать скорой свадьбе дочерей хозяина этого дома. На самой свадьбе молодым запрещалось стоять на голой земле, дотрагиваться друг до друга голыми руками, так как это обещало бедность. Поэтому молодые стояли или сидели на рушнике и обертывали руки рушником или полрой одежды. Если вы были на современной свадьбе, то, наверное, заметили, что в ладонях жених и невеста держат платочки, особенно когда родные, близкие и просто знакомые люди одаривают их.

Через некоторое время после свадьбы в молодой семье рождался ребенок. И в этом случае выручали рушники. Их дарили повивальной бабке за услуги при родах.

Служили рушники всю жизнь человеку, а потом еще и в последний путь провожали. Например, гроб в могилу опускали на длинных рушниках. По поверьям белорусов, душа усопшего 40 дней после смерти является в свой старый дом к живым. Поэтому для ее нужд на окне оставляли хлеб, воду и рушник.

А с какой целью, ребята, вы используете рушник?

Версии детей.

М. п.: Правильно, как полотенце. Основная его служба заключается в вытирании рук и лица. Это одна из функций рушника вообще, которая сохранилась до нашего времени. Такой рушник называли на Беларуси раньше «уцiральнiкам». Как вы считаете, украшали «уцiральнiк» вышивкой?

Ответы детей.

М. п.: Украшения были очень скромными: изредка несколько вышитых цветных полосок.

Еще один интересный рушник, который называется «трап-кач». Он не ткался отдельно, а вырезался из куска холста. Использовали такой рушник для вытирания посуды, рук, в нем носили еду в поле, а сплетенными кистями, по свидетельству старожилов, воспитывали неслухов. Не один проказник почувствовал сзади на своей коже нитки «трапкача».

Еще одна форма рушника — «надзежнік», полотняная по-крышка для дежи (деревянная утварь для замеса хлебного теста). Служил для поддержания гигиены в ней.

Наконец, нужно вспомнить рушник, который использовался для украшения икон — «набожнік». Самый красивый и самый длинный среди рушников. Более скромные «набожнікі» предназначались для ежедневного использования. Черные узоры соответствовали неделям Великого поста, совсем другой вид — обязательно с присутствием красного цвета — имели праздничные «набожнікі» (илл. 1, 2, 3).

Очень часто рушник помогал в несчастье, например, при эпидемии, засухе, градобитии и даже при смерти. Однажды я слышала рассказ, который мне запомнился на всю жизнь. Одна женщина в годах рассказывала второй историю из своей жизни. Происходила она в войну, когда в родной деревне остались

*Илл. 1. Рушники из деревень Рублевск, Зубово, Дрозды.
Круглянский краеведческий музей*

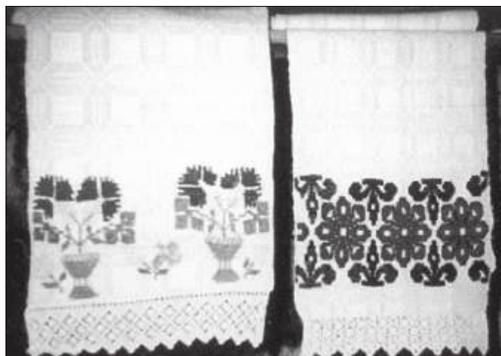
Илл. 2. Рушники из деревень Новопрудье и Козебродье. Круглянский краеведческий музей

только старики, женщины и дети — всех мужчин забрали на фронт. И уже неделю в деревне властвовал страх: почти каждый день в дома приносили похоронки — извещения о смерти мужей, отцов, сыновей. И тогда женщины решили отогнать смерть от деревни, от своих родных и близких. Еще до восхода солнца они начали собираться со всей деревни в один дом, и каждая несла в руках по пучку льна.

Женщины дружно в глубоком молчании сели за работу: прями лен, сновали пряжу, ткали полотно. Как только полотно было готово, все жители, неся рушник, обошли вокруг селения. На том месте, с которого вышли, распалили огонь из щепок, которые принесли с каждого двора. Потом две девушки держали концы сотканного полотна над костром, а жители деревни переступали через огонь, перенося детей. Полотно сожгли на том же огне. И сделано это все было с восхода до захода солнца. После этого перестали приходить похоронки в их деревню, и с войны мужчины живыми вернулись в свои семьи.

Это не единственный пример, когда рушник помогал людям. Думаю, что в этом случае вера женщин в силу рушника, молитвы, которыми они сопровождали свою работу, полное молчание дали определенный результат и отвели несчастье от деревни. А вы как считаете? Верите ли вы в волшебную силу предметов?

Мнение детей.

Илл. 3. Рушники из деревень Симоновичи и Ямницы. Круглянский краеведческий музей

Илл. 4. Покрывало из деревни Степановка Глуцкого района

М. п.: А сейчас еще один вопрос: какие тканые вещи для украшения интерьера дома кроме рушника вы можете назвать? Что еще входило в приданое невесты? Чем вы накрываете стол, когда в дом приходят гости?

Ответы детей.

М. п.: Скатертью («настольник, абрус»). Раньше наши бабушки

и прабабушки тоже на праздник застилали скатерть, а для дорогого гостя на стол клали рушник, для себя же в будние дни хорош был и «трапкач». Подавать еду на «голый» стол считалось нехорошей приметой, накрывали столы скатертями с верой в то, что не обнищает изба — всегда будет хлеб-соль на столе.

Украшали скатерти вышивкой или набивным орнаментом, аппликацией, кружевами, бахромой.

Еще одним украшением дома считался ковер («дыван»). Как мы сегодня используем ковер? Как украшение?

Ответы детей.

М. п.: Не только. Еще и для утепления жилья служат и служили раньше ковры, поэтому их делали из шерсти. Использовали ковры, как и мы с вами сейчас. Но те ковры не совсем похожи на современные: они домотканые и поэтому безворсовые.

Замечу, что в центре ковра всегда был крупный узор, который с четырех сторон был взят в рамку орнаментом. Вот как в этом ковре (илл. 6): в центре вазон с цветами, а по сторонам двойная гирлянда из разноцветных цветов,

Илл. 5. Покрывало из деревни Степановка Глуцкого района

Илл. 6. Ковер-«макатка» из деревни Пестуны Миорского района. Белорусский музей народной архитектуры и быта

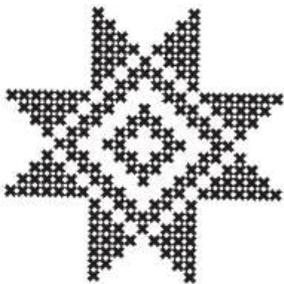
птиц и винограда. Но этот ковер в отличие от первого — рисованный на ткани, а не тканый. Конечно, такие ковры было более просто и быстро создавать. Почему, как вы считаете?

Ответы детей.

М. п.: Рисованные ковры («макаткі») появились значительно позже, чем тканые, — в начале 30-х годов XX века, когда более доступными стали краски. Это дало возможность быстрее рисовать узоры, чем ткать их на ткацком станке или вышивать.

Очень похоже на ковер покрывало («посцілка»). Его во время венчания клали под ноги молодым, чтобы те не стояли на голой земле. Постилкой накрывали коня в непогоду, возы с товаром для ярмарки, кровать и сундук в избе, в старой постилке носили сено, солому (илл. 4, 5).

А сейчас хочу обратить ваше внимание на орнаменты, украшающие тканые вещи, которые мы сегодня вспоминали. Орнамент состоит из частей (элементов, деталей). Раньше каждый из этих знаков имел свое значение, как сейчас буквы, слова. Можно даже сказать, что орнамент на рушнике или

Илл. 7. Орнамент

знак — крест — это символ солнца, которое влияло на человека и природу. Ему поклонялись, а крест вышивали на рушниках, скатертях.

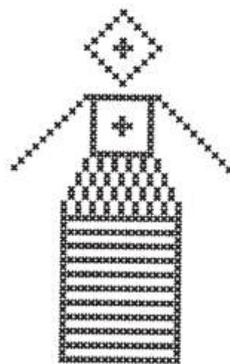
А ночью что вместо солнца указывает дорогу путникам?
Ответы детей.

М. п.: Звезды, которые тоже присутствуют в орнаменте (илл. 7). Такая звезда обозначала человека, а чаще — ребенка. А вот здесь, на рисунке рядом (илл. 8) — изображение женщины. Это — Берегиня. Услышали в этом слове что-то знакомое? Правильно, образовалось слово «Берегиня» от «беречь». Значит, Берегиня — это богиня, которая оберегала женщин и детей. Именно к ней обращались женщины с просьбой обеспечить здоровую и крепкую семью, дать здоровье детям, отвести от них несчастье и болезни, подарить счастье каждой женщине. Поэтому на следующем рисунке (илл. 11) мы видим Берегиню вверху, потом звезду — ребенка и цветок в вазоне. Этим знаком (илл. 3, слева) обозначалась женская счастливая доля.

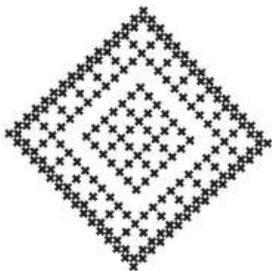
Значение каждого символа на этом рисунке мы знаем, а теперь давайте прочитаем их вместе. Что хотела сказать женщина этой вышивкой?

Предположения детей.

М. п.: Правильно, такая вышивка — это просьба женщины к Берегине, чтобы та отвела несчастье от ее детей, дала им крепкое здоровье, чтобы не обошла лаской и женщину. Очень часто тяжелой и безрадостной была доля женщины: вечный недостаток, тяжелая работа, суровое отношение со стороны родни мужа. И поэтому она просила у Берегини лучшей

Илл. 8. Орнамент

Илл. 9. Орнамент

доли, о которой только мечтала. А долю эту она вышила в виде букета в вазоне, похожего на тот, что стоит на подоконнике.

А теперь давайте порассуждаем, почему именно таким знаком изображали женскую долю?

Рассуждения детей.

М. п.: А можно ли по-другому прочитать орнамент на этом рисунке? Если можно, то как?

Предположения детей.

М. п.: Еще один интересный знак, который часто можно встретить в орнаменте, — это ромб.

Ромб является символом плодородия — он похож на зерно. А вот этот узор (илл. 9) состоит из многочисленных ромбов — зернышек. Как вы считаете, что обозначает этот знак?

Ответы детей.

М. п.: Хлеб. Пекли хлеб, вышивали или ткали женщины — ни одна работа не обходилась без песни. Но разные были песни: одни — шуточные, веселые, а другие — грустные, тоскливые. Вот такой узор вышила женщина на своем рушнике, когда пела лирическую, грустную песню (илл. 10).

А сейчас перед вами фотографии рушников и покрывал (илл. 1, 2, 3, 4, 5), один ли только раз повторяется знак, узор в орнаменте? Почему?

Версии детей.

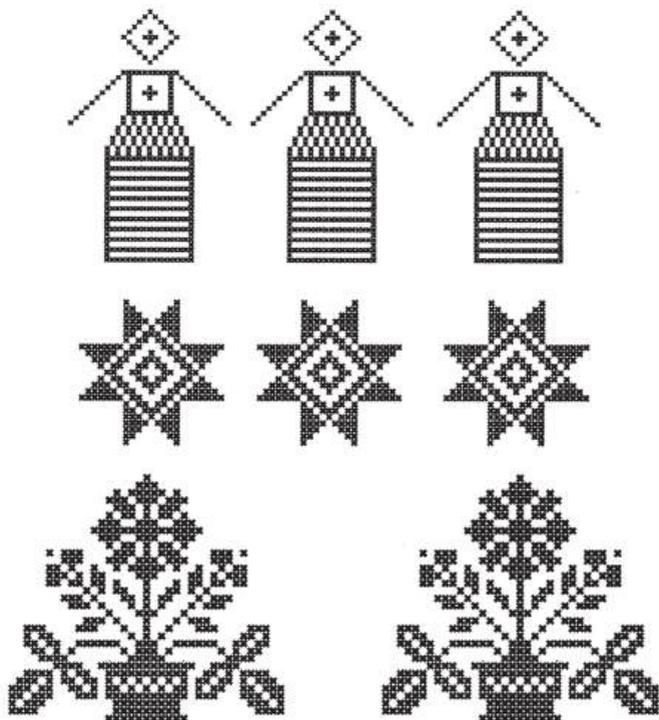
М. п.: Многое мы сегодня узнали про тканые вещи. Кстати, вспомните их названия и функции в избе.

Ответы детей.

М. п.: Попробовали мы с вами немножко приоткрыть и тайну орнамента. А сейчас выполним следующее задание. Представьте себе, что лист бумаги — это рушник, который вы соткали своими руками, а теперь вам необходимо украсить его орнаментом с помощью красок. Какие будут узоры — все зависит от вашего настроения. Составьте свой орнамент. Объясните, почему именно такие узоры выбрали? Какой смысл вы вкладываете в эти знаки?

Илл. 10. Орнамент

Илл. 11. Орнамент

ЛИТЕРАТУРА

- Богданович А.Е. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов. — Гродно, 1895.
- Законнікава М. Мова народных тканін // Мастацтва. — 1998. — № 10.
- Кацар М.С. Беларускі арнамент. Ткацтва. Вышыўка. — Мінск, 1996.
- Кацер М.С. Народно-прикладное искусство Белоруссии. — Минск, 1972.
- Курилович А.Н. Белорусское народное ткачество. — Минск, 1981.
- Сахута Я.М. Фарбы роднай зямлі. — Мінск, 1985.
- Фадзеева В.Я. Беларуская народная вышыўка. — Мінск, 1991.
- Фадзеева В.Я. Беларускі ручнік. — Мінск, 1994.
- Этнаграфія Беларусі: Энцыклапедыя. — Мінск, 1989.

УСАДЬБА НЕПОМИЛУЕВА ИЗ ДЕРЕВНИ ГАРМАНКА

*Владимир Викторович Тихонов,
директор Архитектурно-этнографического
музея «Тальцы»,
г. Иркутск*

Освоение Предбайкалья русскими началось в XVII веке. Гигантская по размерам территория края, равная совокупности территорий многих европейских государств, заселялась в основном по рекам посредством строительства разбросанных на значительном удалении друг от друга небольших деревень-малодворок (заимок), насчитывающих в своем составе от одного до трех дворов. Равномерно, хотя и редко составленные по всему Предбайкалью деревни-заимки к середине XVIII века стали опорными пунктами процесса колонизации края русскими, окончательно закрепив его за Россией. Первую волну землепроходцев в XVII веке, главным образом казачество, в XVIII веке сменяет вторая волна, теперь уже крестьян-переселенцев, большей частью из северных губерний России (Вологодская, Пермская, Архангельская и т. д.).

Приходя на новые территории, переселенцы на первых этапах их освоения не имели в достаточном объеме информации о климатических особенностях этих территорий. Поэтому при обустройстве хозяйства они строили жилье в соответствии с традициями тех мест, откуда прибыли. В домостроении, в частности, широко использовался дом, совмещенный под единой крышей со скотным двором. Несмотря на то что в XVII–XVIII веках таких строений было много, до нас дошли лишь упоминания о них в литературе.

Климатические условия, характер хозяйственной деятельности (земледелие, животноводство, промысловый уклад) со временем внесли существенные, если не сказать кардинальные, изменения как в планировку усадеб, так и непосредственно в облик жилых домов. Процесс приспособления к новым условиям происходил эволюционно, растянувшись почти на два столетия (с XVII по XIX в.).

Незначительный по сравнению с севером России снежный покров в Предбайкалье обусловил возможность вначале частично, а потом и полностью отказаться от крытых дворов, со вмещенных с домом под одной крышей, и перейти к строительству открытых дворов. Таким образом, с XVIII века в Предбайкалье формируется новый тип планировки усадеб: в центре усадьбы горницей на улицу — жилой дом, а справа и слева от него — открытые дворы с хозяйственными постройками. Чистый двор выстилался полубревнами и имел набор хозяйственных построек, обеспечивающих хранение продовольствия и имущества. Скотный двор в соответствии со своим названием обеспечивал обслуживание домашних животных и был, как правило, земляным, хотя и здесь встречались исключения. В подтверждение этого в музее «Ангарская деревня» (г. Братск) автор встретил единственный экземпляр усадьбы Скрипова второй половины XIX века из деревни Подъеланка Усть-Илимского района Иркутской области, где чистый двор был земляным, а скотный — вымощен полубревнами.

Для музеев под открытым небом, а также в целом для науки, безусловно, наиболее интересными и ценными являются этапные моменты, в том числе и в развитии домостроения. К сожалению, в Предбайкалье образца домостроения первого этапа освоения, каковым был дом со двором под единой крышей, не сохранилось. Для полного восстановления исторической среды в музейном пространстве данный тип домостроения придется полностью реконструировать. Образцов второго типа усадьбы — дом-связь с открытыми дворами — пока недостаточно, в том числе уже перенесенных в музейное пространство.

Для музейной науки, конечно, интересны и переходные варианты от дома с крытым двором к дому с открытым двором. На удивление, образец такого дома, правда, в несколько измененном виде, сохранился. Это усадьба крестьянина Якова Непомилуева из деревни Гарманка Братского района Иркутской области, перенесенная в 1971 году в музей «Тальцы», отреставрированная и с 1980 года включенная в экспозиционный комплекс «Деревня-малодворка».

Автор проекта усадьбы архитектор Галина Геннадьевна Оранская. При просмотре составленных ею натуральных обмерных чертежей мы обратили внимание на отмеченные на скотном дворе, выходящем на улицу, столбы, которые поддерживали навес полукрытого двора, соединяющего дом со стайками. Однако при проведении реставрационных работ в усадьбе Непомилуева полукрытый двор, вошедший в историю архитектуры как переходный от закрытого к от-

Обмерный чертеж усадьбы Я. Непомилуева, выполненный Г.Г. Оранской

крытому типу двора, был заменен на открытый, а также были значительно изменены планировка усадьбы и набор хозяйственных построек. Какова же причина столь кардинальных изменений? Думается, нужно обратиться к 60–70-м годам XX века, когда шло формирование музея «Тальцы». В то время в Предбайкалье музейных комплексов под открытым небом еще не было. Музей

«Тальцы» — это первый опыт. Основной идеей, господствовавшей тогда среди создателей подобных музейных комплексов, было стремление сохранить в музейном пространстве как можно больше памятников-оригиналов. Реконструкция исторической среды, главным образом в виде крестьянской усадьбы, рассматривалась как синтез представления об усадьбе вообще, и это характерно не только для музея «Тальцы», но и для многих музеев России. Так, в музее «Ангарская деревня» при полной утере материала оригинала усадьбы Пастухова она все равно была взята за основу, а постройки или были привезены из других деревень, или выполнены в новоделе.

Несмотря на значительные изменения усадьбы Непомилуева из деревни Гарманка, усадьба и в дошедшем до нас виде уникальна.

Строительство усадьбы началось в конце XVIII

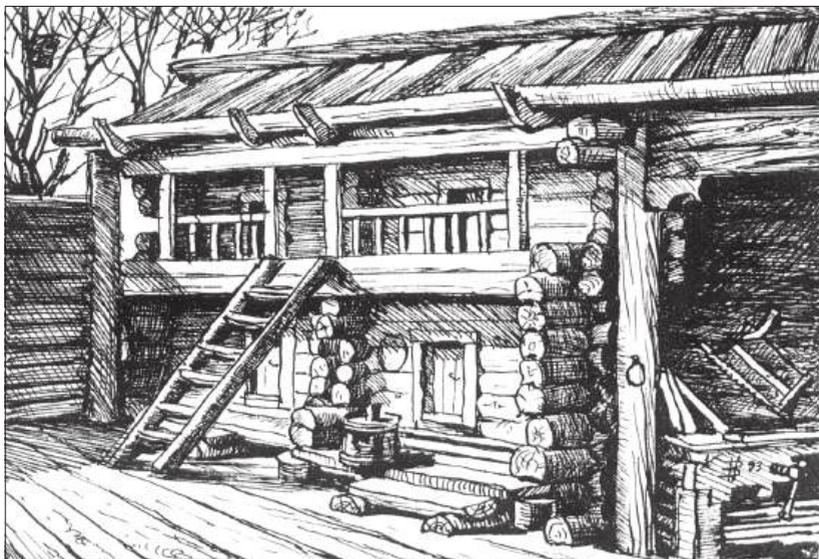
Чертеж усадьбы Я. Непомилуева после реставрации

Усадьба Я. Непомилуева. Художник В. Нефедьев

века родоначальником рода Непомилуевых. Фамилия Непомилуев в Предбайкалье довольно распространенная. В содержании фамилии заложено прошлое ее владельца. Непомилуев — значит непомилованный. Непомилованный, он сбежал или был этапирован в Сибирь. В Сибири, где земли и леса было вдоволь, несмотря на суровые климатические условия, благодаря природному уму и недюжинной работоспособности Непомилуев крепко встал на ноги, создав крестьянское хозяйство, каким не могли похвастаться даже крепкие крестьяне Центральной России. Вначале была построена одна половина дома. Семья росла, и в доме стало тесно. Тогда крестьянин в начале XIX века возводит рядом точно такую же вторую половину и связывает обе половины холодными сенями. Таким образом получился дом из двух половин, соединенных холодными сенями, с выходом из сеней на обе стороны на крыльца. Этот тип дома получил впоследствии название «дом-связь».

Дом поставлен на высоком подклете, крыша самцовая, крытая в два ряда тесом, заканчивается ступенчато обрамленным охлупнем. Окна небольшие со скупо декорированными наличниками. Внутренние объемы старой половины дома с высоким закопченным потолком, в стене имеется волоковое окно для выхода дыма. В новой половине волоковое окно отсутствует.

Двухъярусный амбар. Художник В. Нефедьев

Это может свидетельствовать о том, что отопление дома по-черному сменилось на печное отопление с трубами на рубеже XVIII–XIX веков.

Дом и все остальные постройки были перевезены в музей из зоны затопления Усть-Илимского водохранилища в 1971 году. Чистый двор усадьбы формируют двух- и одноярусные однокамерные амбары. Двухъярусный амбар с галереей. На галерею второго этажа ведет приставная лестница. Амбар крыт двухскатной кровлей из дранья и завершается охлупнем. Первый ярус предназначался для хранения сыпучих продуктов питания — муки, зерна, для чего делались стационарные перегородки — сусеки. На втором ярусе хранили утварь, одежду и т. д.

В одноярусных амбарах также хранили продукты питания, помимо сыпучих, могли зимой хранить мясо и т. д. Одноярусные амбары использовали и как погреба-холодильники (кобрики). Для этого в земляном полу амбара рыли глубокую яму и зимой в нее натапывали снег, который в связи с отсутствием прямых солнечных лучей сохранялся даже до глубокой осени.

В состав усадьбы входят новодельные навесы. Это навесы в чистом дворе для ведения столярно-плотницких работ. Есть навес в скотном дворе для отстоя домашних животных. А вот

навес-завозня — это специальное строение, исключительно для хранения рачительным хозяином крупногабаритного крестьянского инвентаря — кошюков, саней-розвальней, плугов, волокуш, борон и т. д.

Скотный, можно сказать скотно-хозяйственный, двор формируют стайки с расположенными над ними поветями (вторым этажом, предназначенным для хранения сена). На скотном дворе ставили и зимнюю баню по-черному. Летнюю обычно ставили поближе к речке, водоисточнику. В зимней бане для получения воды чаще всего использовали снег, благо в то время он был чистым.

Столь нехитрый стандартный набор хозяйственных построек и определял в основном структуру крестьянской усадьбы Предбайкалья с XVIII вплоть до начала XX века.

Вполне закономерен интерес к численности семьи и ее изменению во времени. О численности семьи Непомилуевых в XVIII–XIX веках сегодня никаких сведений не сохранилось. Однако можно предположить, что он колебался в пределах 25–40 человек. Большому составу семьи, а точнее — группировке в одной усадьбе нескольких родственных семей, способствовала законодательная база Российского государства того времени. Налоги тогда брали со двора. С переходом на подушный налог, естественно, было утрачено пре-

Баня по-черному. Художник В. Нефедьев

Стайки с повестью. Художник В. Нефедьев

имущество объединения родственных семей в одно хозяйство в составе одной усадьбы и людская численность в одной усадьбе пошла на убыль.

Как же такое количество людей помещалось в довольно небольшом пространстве дома, если учитывать еще то, что, по дошедшим до нас сведениям, все они зимой концентрировались в одной половине дома, а вторая половина, горница, чаще всего не отапливалась? Ведь, несмотря на то что вокруг усадьбы было достаточно леса, заготовка его на дрова отнимала в хозяйстве много трудового ресурса, так необходимого для других дел, а прожорливые русские печи в лютые сибирские морозы съедали очень много дров. Поэтому семья зимой и обитала в одной половине дома, достаточно хорошо протапливая ее.

Все члены семьи практически никогда вместе в доме не находились. С первым снегом мужской состав семьи уходил на охоту, летом выезжали в поле, на посевную, сенокос, уборку урожая. Также летом маленькие семьи облюбовывали амбары, сеновалы и жили там. О численности семьи первые достоверные сведения относятся к этапному в судьбе России

1917 году. Тогда семья Непомилуевых, старожилом которой был дед Яков, насчитывала 17 душ обоего пола.

Усадьба Непомилуева уникальна. В 1960–1970-х годах перед архитектором Г.Г. Оранской стояла только одна задача — сохранить ее для потомков, для истории и науки. Сейчас, по прошествии трех десятилетий, в уже более благополучное время, можно порассуждать и о дальнейшей ее судьбе. Надо ли все же воссоздать истинный облик дома, совмещенного единой кровлей со скотным двором, и восстановить подлинную планировку усадьбы? В музее «Тальцы» уже довольно много усадеб XVIII–XIX веков, имеющих дома-связи с различной планировкой открытых дворов. Переходного варианта от крытого двора к открытому нет. И реконструировать такой вариант, восстановив памятник в истинном облике, заманчиво и, что самое главное, реально. Относительно восстановления остальной планировки усадьбы по обмерным чертежам Г.Г. Оранской следует хорошо подумать. А какой смысл? Современная планировка усадьбы Непомилуева — это один из вариантов планировки, не повторяющихся в остальных усадьбах. Что же касается дома, то он, жемчужина деревянного зодчества Предбайкалья, в связи с уникальностью и единичностью требует к себе бережного отношения и постоянного ухода. В настоящее время дом Непомилуевых из деревни Гарманка и в таком виде радует взоры посетителей и специалистов своей суровой красотой, сотворенной талантливыми руками сибирских крестьян-зодчих, создавших в суровых сибирских условиях любимое сердцем и глазом жизненное пространство в виде отдельной крестьянской усадьбы и дома.

ЛИТЕРАТУРА

Нефедьева А.К., Тихонов В.В. Краткие сведения о трактовой историко-культурной зоне Предбайкалья (конец XIX – начало XX в.) // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». — 2002. — Вып. 1. — С. 22–38.

Тихонов В.В. Анализ методической базы музеев под открытым небом России. — Иркутск, 2003. — 177 с.

Тихонов В.В. Опыт работы Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» (1966–1998 гг.). — Иркутск, 1999. — 36 с.

Тихонов В.В. Традиционная культура народов Прибайкалья в экспозициях музея «Тальцы» // Традиционная народная культура и современность. — Иркутск, 1999. — С. 19–21.

«НОВОГОДНЯЯ СКАЗКА» В «ТАЛЬЦАХ»

*Марина Леонидовна Никифорова,
научный сотрудник Архитектурно-
этнографического музея «Тальцы»,
г. Иркутск*

Интерес к истории новогодних праздников стал теперь особенно заметен, ведь традиции украшать елку существенно изменились уже за последние несколько лет. Очень сильно ощущается влияние Запада — появились всевозможные шары и сердечки, Санта-Клаусы, постепенно вытесняющие нашего Деда Мороза; елки, которые даже не нужно украшать, — все сводится к максимальному комфорту человека, замене традиций массовой культурой. На фоне всего этого цветного однообразия совершенно по-особому выглядят игрушки, в которых отражена вся советская эпоха — от танков, самолетиков, изображений партийных работников 1930-х годов до цветных шаров, грибков и шишек 70–80-х. Американка Ким Балашак, собравшая самую большую в мире коллекцию российских новогодних игрушек, говорит: «Эти удивительные вещи помогли мне понять смысл, душу вашего новогоднего праздника. Каждая игрушка — словно оживший кусочек истории Российской империи и Советского Союза» (1). Коллекция Ким Балашак насчитывает более двух с половиной тысяч игрушек. Подобные выставки, но более скромные по количеству экспонатов, прошли в этом году в музеях и библиотеках многих городов России — в Москве, Петербурге, Великом Устюге, Олонце, Омске, Иркутске, Шелехове и др.

В музее «Тальцы» также была организована небольшая выставка. Она разместилась в помещении церковно-приходской школы. В свое время такие школы были призваны кроме распространения грамоты и элементарных знаний решать и ряд других просветительских задач, в частности, в них проводились вечера, устраивались елки для детей, к которым готовили специальные музыкальные и литературные номера. Выставка «Новогодняя сказка», посвященная истории новогодней

игрушки в России, проходила в «Тальцах» с 7 января по 15 февраля 2003 года. Название выставки выбрано не случайно, ведь встреча Нового года — это действительно настоящая сказка для взрослых и детей, это всегда ожидание чего-то нового, надежды на лучшее, в Новый год принято прощать друг другу обиды, желать счастья и здоровья, дарить подарки, украшать елку.

Откуда же пошла традиция украшать елку? Чтобы разобраться в этом, обратимся к истории. Считается, что этот обычай перешел к нам из Германии, где существовал с незапамятных времен, в России же он появился сравнительно недавно. В этом обычае тесно переплетается христианская традиция, напоминающая о тайне воплощения Сына Божия на земле, с языческой, относящейся к временам мифологическим, к образу мирового древа, когда весь род человеческий ютился в середине его. Покинув его, люди не забыли родства с растительным царством, продолжали верить в священные деревья. Имелось поверье, сохраняемое и поныне, что если оставить на память на ветвях почитаемого дерева лоскуток ткани и загадать желание, оно непременно сбудется. Греческое предание связывало ель с именем нимфы Кениды (она же Элата). А в Древней Руси считалось, что от шума ветра в ветвях ели гложет леший — слуга лесного царя. У славян южных и восточных имелся праздник «Коляда», приходившийся на время Рождества. На этом празднике в обычае было плясать, водить хороводы, играть на сопелках и гусях, петь песни, носить маски животных, гадать — эти обряды носили магический характер общения с душами умерших.

С давних времен зимние праздники на Руси включают в себя старинные народные Святки, языческие по своему происхождению, церковный праздник Рождества и мирской праздник Нового года. Праздник Рождества на Руси долгое время был сугубо церковным, в быту его стали праздновать позднее. В указе 1699 года царь Петр I повелел перенести новолетие с 1 сентября на 1 января и в честь этого события украшать еловыми и сосновыми ветками и стволами ворота, крыши домов и трактиров. При императрице Елизавете Петровне устраивались пышные празднования с украшением елки, но это при дворе, в целом же культура зимних праздников с елкой в доме складывается только к середине XIX века, первоначально в Петербурге и в Москве, затем уже по всей России.

Елка в доме сакральна, это дерево, связывающее прошлое

с будущим, человека с вечностью. Украшенная елка представляет собой модель мира. Елочные игрушки — это обычно реальные или фантастические существа и объекты, которые помогают проникнуть в мир таинственного. Разнообразен мир игрушек-символов, в украшении елки сложно сочетаются мотивы христианские с языческими по природе своей символами и современные светские обряды; все они органично дополняют друг друга, образуя единый ансамбль. Елочные шары символизируют планеты, колокольчики и фонарики напоминают о необходимости быть «бдительными» и своим светом и звуком отгоняют всякую нечисть. В христианской трактовке елка — символ дерева жизни, возвращенного нам с рождением Христа; будучи украшена зажженными свечами, она символизирует духовный свет, просветивший мир с пришествием Христа, и, будучи обвешена плодами, служит символом царства благодати. Овощи и фрукты на ней — это дары природы, а звери и насекомые — символ Божьего мироздания, ибо всякая тварь поет хвалу Богу. На верху ствола крепится восьмиконечная Вифлеемская звезда, указывающая путь волхвам. Если говорить о символике, то восьмилучевая звезда считалась божественным знаком у древних египтян и солнечным символом в древнем Вавилоне. Такая звезда заключает в себе солнечный круг — крест солнцестояний и равноденствий, и четыре стороны света. В советское время Вифлеемская звезда была заменена пятиконечной.

На рубеже XIX–XX веков елки стали богато украшаться: до этого считалось, что вполне достаточно свечей и гостинцев для детей, обычно сладостей. Чаще всего игрушки делали сами, всей семьей, за неделю до Рождества, реже — использовали покупные. Первоначально в России продавались немецкие елочные украшения, из таких «столиц игрушек», как Нюрнберг или Берлин. Затем и отечественные кустари в небольших артелях стали изготавливать подобия таких игрушек. Обычно за несколько месяцев до праздников начинали делать в небольших артелях малые партии игрушек; это было штучное производство, и поэтому украшения в «серии» не были похожи друг на друга. Стекланные изделия продавались в артелях города Клина. Собственным товаром торговали в мелких лавках, а отдельные товарищества, со своими складами, имели и собственные мастерские. Например, в Москве было несколько крупных мастерских: старейшими производителями елочных украшений являлись фабрики Я. Увакина и фирма М. Глазуно-

ва, существовавшие с 1870-х годов; мастерские Ф. Брендакова и Е. Шиканова. Ввозились товары немецких фирм Г. Тица, Ю. Зонненберга и А. Вертгейма. Крупные магазины устраивали «рождественские базары», о чем сообщалось в специальной предпраздничной рекламе. С конца XIX века получили распространение фигурки, сделанные из ваты и облитые анилиновыми красками, проштампованный под прессом картонаж: так появлялись птички, рыбки, бабочки.

***Звезда. Игрушка 1930–1940-х гг.
Стекло***

После революции Новый год исчез из российского календаря, елки были запрещены как «буржуазный пережиток», взамен в 1925 году появилось «комсомольское рождество», а новогоднее дерево и игрушки посчитали мещанством. До 1935 года производство елочных игрушек в стране не осуществлялось. Когда миновали годы гонений, вновь возродилась традиция украшать елку, в январе 1937 года официально состоялась первая новогодняя елка в Колонном зале Дома союзов. Новая эпоха родила специфические темы — появились шары с портретами вождей революции — Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Тогда же очень популярны были звезды, фигурки детей, сказочных персонажей, наборы «В память Всесоюзной сельскохозяйственной выставки» (животные, фрукты, овощи), ватные Дед Мороз и Снегурочка. Выпуск игрушек продолжался и в годы Великой Отечественной войны, хотя игрушки этого времени были не так яркие. Преобладали в основном военные мотивы: собаки-санитары, пистолеты, датированные звезды, фигурки бойцов и образцы военной техники. На фронтовых елках чаще развешивались самодельные украшения, иногда — уцелевшие довоенные игрушки. В ход шел любой подручный материал — использовали раскрашенные кусочки жести, цветную проволоку, лоскуты ткани, бумагу, вату и перевязочные бинты, делали даже расписные шары из перегоревших лампочек.

**Игрушки 1930–1940-х гг.
Вата, краски**

1950–1960-е годы — период наивысшего расцвета послевоенной советской промышленности, он отразился и на производстве елочных украшений. Игрушки этих лет отличаются разнообразием сюжетов: были очень популярны фигурки сказочных персонажей на прищепке, кукурузные початки, наборы миниатюрных игрушек для искусственных елочек на столе. После полета Гагарина на елках появились космонавты, спутники Земли, планеты и звезды.

В 1970–1980-е годы преобладают абстрактные игрушки, красивые елочные украшения становятся, как и все остальное в стране, дефицитом, то, что выпускала отечественная промышленность, стало принимать все более упрощенные формы. В 1970-е годы пошла мода на стеклянные «ленинградские» шары, а затем и на импорт из дружественных стран, таких как ГДР. Начало XXI века в мире елочных игрушек оценивается современниками как полная «иностранный интервенция».

Несмотря на то что в музее «Тальцы» не было собственной коллекции елочных украшений, для выставки «Новогодняя сказка» было собрано около 200 экспонатов. В их число вошли игрушки 20–70-х годов XX века, предоставленные Музеем истории города Иркутска, а также игрушки из частных коллекций А.Н. Голендеева, М.В. Дыбенко, В.Г. Дёмина, В.Р. Лопатовского, С.И. Медведева, А.Д. Назаркина, В.В. Тихонова. Конечно, игрушек было не так много и не все из них являются наиболее яркими представителями своей эпохи, но тем не менее... Самыми старинными у нас оказались стеклянные самоварчики и чайнички ручной работы, относящиеся к 1920–1930-м годам. Причем, что самое удивительное, здесь вы сможете найти все элементы, присущие самовару, — и ручки, и краник, и даже маленький чайничек сверху. Были две самодельные игрушки — зайчик и рыжая лиса, сделанные более 50 лет назад из ваты, накрученной на проволочный каркас, и раскрашенные.

Очень много оказалось картонных игрушек разных лет. Самые старинные из них — броневик и пятиконечная звезда с серпом и молотом в центре — игрушки послереволюционной эпохи; кроме того, всевозможные собачки, бабочки, птички, изготовленные в более поздние годы. Просто удивляет количество крокодилов, чьи образы, вероятно, были навеяны сказками К.И. Чуковского. Значительное число было ватных игрушек, относящихся ко временам Всесоюзных сельскохозяйственных выставок 1935–1940-х годов, — здесь можно было увидеть лимоны, персики, груши, морковь и самые разнообразные грибочки.

***Дед Мороз и Снегурочка.
1940–1950-е гг.
Вата, бумага, краски***

Подобралась целая серия стеклянных игрушек на садово-огородную тему — перец, луковицы, клубника, земляника, корзинки с фруктами и цветами. Интересны игрушки, сделанные из тонких стеклянных трубочек, — тут были бусы, ветряная мельница, велосипед, вертолет, не обошлось и без пятиконечных советских звезд. Разнообразны сюжеты стеклянных игрушек 1950–1960-х годов на прищепке, среди них зайчики, клоуны, совы, шишки, цыплята, изящные лебеди, а также символ пятидесятых — «царица полей» кукуруза.

Игрушки 1970–1980-х годов уже заметно отличаются от игрушек предыдущих лет, они выглядят намного проще, примитивнее, сказывается развитие советской промышленности — появление серийного производства, литья, штамповки и т. п. В основном это стеклянные игрушки: шары разных размеров, шишки, грибы, бумажные, картонные и игрушки из искусственных материалов — пластмассы, пенопласта и т. п.

Кроме игрушек на выставке были представлены уникальные новогодние и рождественские открытки начала XX века из коллекции С.И. Медведева.

Не все игрушки, которые были на выставке, останутся в музее, многие из них еще долгое время будут радовать своих владельцев, украшая новогоднюю елку, но все же

Фрагмент экспозиции выставки

благодаря выставке начало коллекции было положено, часть игрушек владельцы подарили музею. Надеемся, что в «Тальцах» со временем появится собственная коллекция елочных украшений. Мы просим всех, у кого сохранились старинные елочные игрушки, принять участие в создании этой интересной коллекции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Американка показала москвичам историю нашей новогодней игрушки. <http://www.ntm-tv.ru/news/federal/print/kollektam.html>
2. Музей новогодних игрушек открылся в Великоустюгской церкви Николая Гостинского. <http://www.severinform.ru>
3. Новогодние игрушки могут рассказать о многом. <http://www.vgtrk.co>
4. Панкеев И. Обычаи и традиции русского народа. — М., 1999. — С. 362.
5. Райскин М. Конец картонной эпохи. <http://www.arteria.ru>
6. Рейли М.В. Истоки жизни: русские обряды и традиции. — СПб., 2002. — 256 с.
7. Святая Русь: Энциклопедия русской цивилизации / Сост. О.А. Платонов. — М., 2000. — С. 603.
8. Турчин В. Рождественская ель: украшение, ритуал, судьба // Наше наследие. — 2000. — № 52. — С. 80–85.

Уважаемая редакция!

В вашем журнале № 2 (14) за 2002 год был опубликован фрагмент моего очерка «Осколки архитектурного континента», посвященный этическим аспектам сохранения архитектурного наследия. В нем я упомянул о варварском, на мой взгляд, отношении к произведению деревянного зодчества — дому Мемоева в карельском селе Вешкелицы, основная ценность которого — великолепный резной балкон — была спилена и увезена в музей «Кижы», что во многом предопределило последующее уничтожение охраняемого государством памятника архитектуры и, можно добавить к ранее сказанному, создало прецедент нигилистического отношения к действующему культурно-охранительному законодательству. На основании устной информации сотрудников музея «Кижы» я изложил на страницах журнала историю ошеломившего меня поступка «радетелей за сохранение культурного наследия», что вызвало возражения со стороны одного из участников этой акции Б.А. Гущина, фрагмент письма которого в мой адрес цитирую дословно:

Я вынужден написать Вам об истории приобретения балкона музеем «Кижы» и нашей с В.А. Гущиной роли в его приобретении... Сразу же скажу о том, что В.А. Гущина никогда не была в Вешкелицах и не имеет к этому балкону и к Вашему пониманию «радетелей культуры» никакого отношения.

Как же было дело с балконом, отложившееся в моей памяти.

В начале 1968 г., а не в 1970 (как было указано с моей подачи в журнале «Тальцы». — В. О.) меня и главного инженера Белавина А.К. вызвал к себе ди-

ректор музея Смирнов В.И. и предложил нам съездить в Вешкелицы к Г. Мемоеву, который уже не раз предлагал музею купить у него балкон с дома, который ему не нужен... Мы обо всем договорились с хозяином и вместе с ним спилили конструктивные детали на фасаде (напоминаю, памятника архитектуры! — В. О.), чтобы балкон был комплектным в коллекции музея.

Балкон был взят в фонды по инв. № Кижы / 96. Он экспонировался... на выставке «Народное искусство Карелии» в 1970-х гг. Сейчас он находится в фондах.

Вот и вся история его приобретения. Считал и сейчас считаю, что в той ситуации в 1968 г. музей приобрел балкон объективно правильно и отказаться от предложения его приобрести было бы в тот момент не логично.

Я виноват, что допустил в своей публикации неточности: указал 1970 г. (когда детали балкона были экспонированы на выставке), а не 1968 г. (когда балкон был спилен), назвал служебную командировку экспедицией и, главное, поверив устной информации, причислил к этой акции В.А. Гущину, за что приношу ей свои искренние извинения. Что же касается ампутации смыслового элемента памятника истории и культуры, то здесь и с юридических, и с нравственных позиций я не могу согласиться с Б.А. Гущиным, ибо убежден, что люди, причастные к сохранению культурного наследия, должны в своей собирательской деятельности руководствоваться принципом «не навреди». В данном же случае описанные на страницах журнала последствия искажения уникального памятника архитектуры были легко предсказуемы, и потому, на мой взгляд, акт такого искажения не имеет оправданий.

3 июня 2003 г.

*С уважением,
В. Орфинский*

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ СОЮЗА МУЗЕЕв РОССИИ

г. Москва, 29 июня 2003 г.

Заслушав и обсудив доклады Президента Союза М.Б. Пиотровского «Актуальные проблемы развития культуры на современном этапе», начальника отдела музеев Министерства культуры Российской Федерации А.С. Колупаевой «Основные тенденции развития музеев в России» и исполнительного директора СМР Л.К. Александровой «Основные итоги и направления работы Союза музеев России 2002–2004 гг.», Общее собрание постановляет:

1. Признать работу Президиума за отчетный период удовлетворительной.

2. Общее собрание отмечает, что награждение премией Президента Российской Федерации директора Государственного Эрмитажа М.Б. Пиотровского, Президента Союза музеев России, и Государственной премией Российской Федерации в области литературы и искусства за 2002 г. авторского коллектива Государственного исторического музея, выдвинутых на соискание этих премий Союзом музеев России, является признанием авторитета Союза в общественно-политической и культурной жизни страны.

3. Общее собрание считает, что при реализации федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» необходимо обеспечить:

— приватизацию объектов культурного наследия (недвижимых памятников истории и культуры) на основе всесторонней общественной экспертизы с привлечением ведущих специалистов в области сохранения культурного наследия (в том числе специалистов музеев);

— недопустимость приватизации объектов культурного наследия, занимаемых или используемых государственными и муниципальными музеями в Российской Федерации.

4. При разработке условий и параметров отраслевой системы оплаты труда при переходе на отраслевую систему оплаты труда Общее собрание считает:

— необходимым исчислять фонд оплаты труда музеев всех уровней на основе среднего по стране прожиточного минимума;

— недопустимым сохранение существующих в настоящее время различий в уровне оплаты труда руководителей и специалистов музеев и библиотек, с одной стороны, и театральных и концертно-зрелищных организаций, с другой стороны.

5. В рамках реализации Стратегического плана социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную (до 2010 г.) перспективу и в связи с запланированным переводом бюджетных учреждений на программно-целевые, контрактные и на основе субсидий формы финансирования Общее собрание считает необходимым поставить вопрос:

— об обязательном сохранении финансирования в форме субвенций (или сметного бюджетного финансирования) затрат на обеспечение сохранности и безопасности музейного фонда, в том числе строительство, ремонт и реконструкцию фондохранилищ, реставрацию музейных предметов и т. п.;

— о недопустимости замещения существующего бюджетного финансирования музеев их собственными доходами, исходя из того, что эти доходы компенсируют недостаточность финансирования основной деятельности музеев за счет средств учредителей.

6. В рамках разработки параметров и основных направлений федеральной целевой программы «Культура России (2006–2010 гг.)» Общее собрание постановляет:

— принять активное участие в формировании предложений по разработке данной программы, в частности, в качестве отдельных направлений разделы «Малые музеи в России» и «Русская провинция».

7. В целях активизации работы по формированию негосударственной части Музейного фонда РФ и сохранению музейных предметов и музейных коллекций Общее собрание считает необходимым:

— совместно с Дирекцией Музейного фонда провести ряд мероприятий, обеспечивающих работу по включению в Государственный каталог предметов, имеющих культурно-историческую ценность, находящихся в музеях организаций различной формы собственности;

— использовать в данной работе опыт, накопленный Ас-

социацией научно-технических музеев Российского комитета ИКОМа.

8. Для реализации принятых решений Общее собрание поручает Президиуму Союза:

— довести до сведения органов государственной и исполнительной власти Российской Федерации и субъектов федерации позицию Союза музеев России по ключевым вопросам обеспечения деятельности музеев;

— обратиться в Министерство культуры с предложением об обязательном согласовании проектов подзаконных актов, издаваемых во исполнение федерального закона «Об объектах культурного наследия», с Союзом музеев России в лице его Президиума;

— обобщить предложения членов Союза и Совета представителей по упорядочению системы государственной поддержки и финансирования музеев в отдельных регионах и направить соответствующие обращения к главам администраций субъектов Российской Федерации и муниципальных образований;

— внести предложения в Комитет по культуре и туризму Государственной Думы и Министерство культуры о необходимости законодательных инициатив по поддержке меценатства и спонсорства, в том числе на основе компенсаторных форм, и предложить другим общественным организациям в области культуры и искусства активизировать разработку и принятие решений в данной области;

— обратиться в Министерство культуры с предложением разработать совместно с Министерством промышленности, науки и технологий рекомендации о порядке аккредитации ряда музеев, выполняющих функции научно-исследовательских учреждений;

— обратиться в Минкультуры России с предложением ввести по мере возможности в практику реализации программ и планов централизованных мероприятий Министерства культуры заключение договоров комиссии, позволяющих избежать двойного налогообложения.

Принято единогласно.

Протокол № 1-03 от 29.06.03.

29–31 января 2003 г. Томск. Россия. Всероссийская научно-практическая конференция «Культуры и народы Западной Сибири в контексте междисциплинарного изучения. К 120-летию Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета». На конференции обсуждались проблемы междисциплинарного взаимодействия археологии и этнологии с естественными и гуманитарными дисциплинами.

3–4 июня 2003 г. Нижний Новгород. Россия. Научно-практическая конференция, посвященная 30-летию со дня открытия Музея архитектуры и быта народов Нижегородского Поволжья, филиала Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. Во время работы конференции обсуждались проблемы музеев под открытым небом на современном этапе, традиции и новации в деятельности музеев, проблемы сохранения, реставрации и использования памятников деревянного зодчества, традиционная народная культура Нижегородского края и другие вопросы.

18–22 июня 2003 г. Архангельск. Россия. Международная научно-практическая конференция «Современная скансенология: теория и практика работы», посвященная 30-летию со дня открытия Архангельского государственного музея деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы». Участниками конференции осмыслялся исторический опыт создания и деятельности музеев-скансенов, обсуждались стратегические направления развития российских и зарубежных скансенов в XXI веке, предлагались новые концепции, подходы и технологии в современной скансенологии.

Иркутский областной краеведческий музей. — Иркутск, 2003. — 168 с.

Альбомное издание, посвященное 220-летию со дня учреждения в городе Иркутске первого музея азиатской части России. В альбом вошли фотографии наиболее интересных и ярких предметов из фондов музея, собранных на протяжении более чем двух веков. Представленные экспонаты позволяют проследить историю Прибайкалья с древнейших времен до наших дней, воочию увидеть различные аспекты культурной жизни не только сибирского региона, но и ряда зарубежных стран.

Ремизов С. Краткая сибирская летопись (Кунгурская) / Составление, предисловие и примечания К.Г. Леви, Н.В. Задониной. — Иркутск, 2003. — 184 с.

Знаменитый труд тобольского сына боярского Семена Ремизова, составившего в XVII веке первую сибирскую иллюстрированную летопись. Она была издана в 1880 году к 300-летию присоединения «Сибирского царства к Российской державе» и сразу стала раритетом. В современном переиздании сохранены, за малым исключением, все особенности первоисточника. Издатели позволили себе лишь сопроводить первоисточник современным дизайном. Старорусский текст снабжен вольным английским пересказом содержания летописи, что делает ее доступной и для иностранных читателей.

Воробьева Г.А., Бердникова Н.Е. Реконструкции природных и культурных событий на территории Иркутска: Научно-методические разработки междисциплинарных исследований городского культурного слоя. — Иркутск, 2003. — 90 с.

Книга содержит систематизированные сведения по культурному слою исторического Иркутска как особому объекту междисциплинарных (интеграционных) исследований археологов, почвоведов, геологов, экологов. В работе на конкретных примерах рассматриваются приемы использования интеграционных подходов для воссоздания природной и культурной летописи событий, связанных с территорией города. Сравниваются культурные события, воссозданные по археологическим данным, с данными письменных источников.

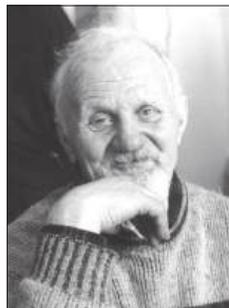

СТИХИ*

Михаил Трофимов

ЗДРАВСТВУЙ, РУСЬ!

Обернусь
Да оглянусь:
Велика родная Русь,
Задремала
Под снегами,
Нарядилася стогами,
Разметнулась на полсвета,
Облака пронесит с ветром.

Под копытом
Синий бус —
Вот она, родная Русь,
Снег до боли
Синий-синий!
И поддужный синий звон,
Ой, ты, мать моя Россия,
С четырех лежишь сторон
Под высоким пологом
По жнивью да по лугу...

Здравствуй, Русь!
Вовеки здравствуй.
Без тебя
Не будет счастья.
Ты ко всем щедра бываешь,
Кормишь,
Поишь,
Одеваешь —
Ты всегда в красе и силе,
Над тобой не раз, Россия,

* Печатаются по книге: Трофимов М. Есть край... — Иркутск, 1989. — 176 с.

Заволакивало тучи,
Ждали гибель неминучу.

Кто послабже,
Даже сами
Уж кончину видели
И сказание писали
О твоей гибели.
И еще напишут, пусть им...
Русь останется всё Русью,
И всегда увидит счастье...
Словно птицы
От ненастья,
От нее враги бежали
Иль побитыми лежали.

Одолеть врагов сумели —
По селеньям слава шла,
И камаринскую пели
По церквам колокола.

ТУЧА

Ветер перепутал травы,
Ветер замутил воду,
Гонит он синюю тучу
На косарей усталых.

Точат на Руси косы —
По лугам текут звоны,
Ахают цветы под косою,
Пахнет свежескошенным лугом.

Девки стоят на копнах —
Ярче луговых маков,
Принимают шумное сено,
Крутит сарафаны ветер.

Словно на смотринах девки,
Их тревожит синяя туча.
Скоро быть богатым свадьбам —
По селу поскачут тройки.

Кто-то и меня дождется...
Ветер, освежи душу!
Дождик, собери под крышей
Мокрые счастливые лица!

* * *

Землицу-мать сосет царевна рожь,
И вся земля — раскрытая душа,
Как с дерева, с меня стекает дождь,
С работушки иду я не спеша.

Уставшему рубаха тяжела...
Без дум и без печали, знать, живу —
Вот дышит поле, и гроза прошла,
Иду тропинкой — колосок жую.

Засветит ночь счастливую звезду,
Девчата песню старую споют —
Земля в цвету, земля моя в меду,
Родное поле и родной приют.

Счастливый я, любовь мою спрости:
В сверхскоростной и сверхбетонный век
Моя изба — окраина Руси,
В ней цену хлеба знает человек.

ЛАПТИ

Шел старик пустой дорогой,
Приустал — прилег, соснул:
Лапти мокрые разул —
Пусть просохнут хоть немного...

Греть весною норовит
Солнце все росточки,
Он проснулся и глядит:
На лаптях — листочки.

Взял их, в землю закопал:
Картузом водицы
Черпал в лыве, поливал —
Может, что родится.

Мокрый натянул картуз:
Может, что получится,
Лапти тоже лишний груз,
Лишнее имущество.

И босой ушел, крестясь,
Сгорбленный и тощий,
Из лаптей поразрослась
Липовая роща.

НОЧЬ

Посреди речного плеса
Кто там курит папиросу?
Это бакен...

Кто там глухо так ревет:
Бултыхается, гребет?
Это камень-бык...

Жгут костер в тайге, в ночи?
Всходят заревом лучи.
Это месяц...

Кто к воде сбежал с откоса,
Кто, зеленый, моет косу?
Это ива...

Кто не совладал с собою,
Прокричал в тиши совою?
Может, эхо?

ИВАН-ЧАЙ

Становлюсь я не чаявши
И сильней и добрей...
Иван-чай, иван-чаюшка,
Разлиловый кипрей.
Ты входил в меня силою
Заварною из кружки,
Где зимой вьюга сивая
Меж зимовьями кружит.
Кедры ветками машутся,
Ели в колких крестах.
Меня Мишею матушка
Нарекла неспроста...
Был Михайлушка зелен,
Свет Ефимович мал,
Пил таежное зелье,
Стал сильней — оклемал.
И за плугом я следовал —
Резал землю тугую,
И собольим следом
Шел с берданкой в тайгу я.
Может, горе и видывал,
Да окрепнуть сумел...
Только птицам завидовал,
Только зверя жалел.

Об авторе: **Михаил Ефимович Трофимов** родился в 1936 году в Рыбинском районе Красноярского края. Живет в городе Иркутске. После окончания сельской школы работал каменщиком, плотником, слесарем, в геологической экспедиции. В 1969 году окончил Литературный институт им. А.М. Горького.

Поэт, автор книг: «Первотроп», «Иван-чай», «Белый соболь», «Изморозь», «Парасковья», «Лесная азбука» и др.

ИГРЫ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ*

РЮХИ

Это групповой вариант игры, разновидность старинных русских городков. Играют от 5–6 до 10 человек. Рюхами называли деревянные цилиндры высотой примерно 20 см и толщиной до 7 см. На кон обычно ставят 10 рюх на расстоянии 1 метра друг от друга. Позади кона чертится линия, примерно 1 метр от рюх. В качестве бит используются небольшие палки длиной 60 см и диаметром 6–7 см, которые бросают с расстояния 15–20 метров. Еще до игры определяется очередность бросков. Первый игрок начинает сбивать рюхи с левого края. В случае попадания в середину кона бросок не засчитывается, и рюхи становятся на место. Игрок сшибает рюхи до первого промаха. После, в порядке очереди, в игру вступает новый участник. Игра продолжается до тех пор, пока рюхи не будут сбиты.

Победителем считается тот, кто больше всех сбил рюх. Он получает право первым начать следующую игру. Вторым продолжает занявший второе место и т. д.

ОТОМКНИ КОРОБЕЙКУ

Вечером, когда еще не зажигали свет, собирались в избе девушки 18–20 лет. Одна из девушек говорила: «Отомкни коробейку». Другая спрашивала: «Что в коробейке?» Первая девушка отвечала: «А в коробейке сидит красный молодец, одет (описывает, в чем одет красный молодец). Кто он?» Девушка должна отгадать, кого задумала ее подруга. Если она отгадала, тогда загадывает она, если нет, то снова загадывает та же девушка. При описании она может приукрасить молодца, но должна сохранить то, что характерно для этого юноши.

Есть еще один вариант слов: «В коробейке сидят три красных молодца». Описывает всех трех, а девушка, которая отгадывает, может выбрать любого. Этот вариант более старый.

* Печатаются по книге: Кульгускин А.Н., Черемисин В.П., Ермолаев Ю.А. Игры Архангельской области 50-х – 80-х годов XX века: Методические рекомендации. — Малаховка (Люберецкий р-он Московской обл.), 1987. — 56 с.

**ЖУРНАЛ «ТАЛЬЦЫ»:
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ**

Вышел двадцатый, юбилейный, номер журнала «Тальцы». Позади восемь лет существования нашего журнала и работы редакционной коллегии. Начав с одного номера в 1996 году, мы издаем сейчас, хотя и не совсем регулярно, до четырех номеров ежегодно. В данном указателе подводятся первые итоги существования журнала «Тальцы». Все опубликованные в нем материалы (за исключением материалов рубрик «Хроника», «Конференции» и «Новые книги») излагаются в алфавитном порядке. Вслед за автором и названием материала приводятся год издания, общий порядковый номер журнала, страницы. Сведения от составителя взяты в квадратные скобки.

Аксаков С.Т. Детские годы Багрова-внука. — 1997. № 2. С. 53–54.

Алексий, Патриарх Московский и всея Руси. [Письмо в редакцию журнала «Тальцы»]. — 1999. № 6. С. 63.

Анатолий, архиепископ Керченский. [Письмо в редакцию журнала «Тальцы»]. — 1999. № 6. С. 64.

Арзуманов Игорь, протоиерей. Духовный предтеча свт. Иннокентия Московского: труды и жизнь свт. Иннокентия Иркутского (1680–1731). — 1999. № 5. С. 31–35.

Артемьев А.Р. Албазинский острог. — 1999. № 6. С. 37–41.

Артемьев А.Р. Навигационные школы Восточной Сибири в XVIII веке. — 2001. № 12. С. 3–11.

Артемьев А.Р. Первые планы Иркутска. — 1999. № 7. С. 32–37.

Артемьев А.Р., Бычков О.В., Тихонов В.В. Исследования истории Тальцинского стекольного завода. — 2000. № 9. С. 34–39.

Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. — 1997. № 2. С. 54.

Афанасьева Е.Ф. Об истоках этнической истории эвенков. — 1998. № 3. С. 3–7.

Байбородин А.Г. Байки деда Лёши. — 2002. № 15. С. 86–87.

Байбородин А.Г. «Люблю твою, Россия, старину...» (лирический этюд из музея «Тальцы»). — 2000. № 9. С. 61–65.

Барakov Ю.П. Родовая память. — 2003. № 19. С. 57–63.

Басалаев А.Е. Учебный год церковно-приходской школы Забайкалья. — 2001. № 12. С. 24–28.

Блюда православной обрядовой кухни. — 2002. № 14. С. 79–80.

Бурятские загадки. — 2000. № 10. С. 68.

Были и небылицы из музея «Тальцы». — 1998. № 3. С. 66–67.

Бычков О.В. Вершино-Хандинская эвенкийская община Иркутской области: путь в никуда? — 1998. № 3. С. 21–26.

Бычков О.В. «Златокипящая Мангазея»: острог из легенды. — 1999. № 6. С. 12–19.

Бычков О.В. Краткий отчет о работе российско-американской экспедиции в 1990–1992 гг. — 1999. № 7. С. 69–71.

Бычков О.В. Непопранная святость: К истории возвращения мощей святителя Иннокентия в Иркутск. — 2000. № 8. С. 36–47.

Бычков О.В. О сбережении сибирских лесов и рек в XVII — первой четверти XX вв. — 1999. № 7. С. 38–42.

Бычков О.В. Свт. Иннокентий в Иркутской духовной семинарии: 1808–1818 гг. — 1999. № 5. С. 22–30.

Вадим, епископ Иркутский и Ангарский. Пути Господни неисповедимы! — 1999. № 5. С. 3.

Вадим, архиепископ Иркутский и Ангарский. Собрать по крупицам. — 2000. № 8. С. 3–5.

Восстания туземцев Севера в советские годы. — 1998. № 4. С. 3–6.

В Саянске освящен новый храм: Интервью с протоиереем Алексеем Серединым / Записано Т.А. Крючковой. — 2003. № 18. С. 51–59.

Гагина Т.Н. Эвенки с реки Куты (верховья Лены). — 1998. № 4. С. 26–34.

Герман, епископ Якутский и Ленский. [Письмо в редакцию журнала «Тальцы»]. — 1999. № 6. С. 65.

Гермацкая Н.В. Волшебный сундук. — 2004. № 20. С. 25–33.

Глаголев В.С. Характер и подвиг Святителя [Иннокентия Вениаминова]. — 1999. № 5. С. 36–40.

Голендеев А.Н. Тальцинские игрушечных дел мастера. — 2002. № 15. С. 19–26.

Гольдберг И.Г. Николай Креститель: [Рассказ]. — 1998. № 4. С. 63–66.

Горбунов А.К. Ласка: [Рассказ]. — 2002. № 14. С. 76–78.

Гурулёв С.А. Первые иркутяне: [Именник жителей Иркутска XVII в.]. — 2003. № 17. С. 5–25.

Гурулёв С.А. Таежные встречи с чильчагирами. — 1998. № 4. С. 35–43.

Гурулёв С.А. Чикольтоджек — Срамная: [О гидронимах бассейна Верхней Ангары]. — 1998. № 4. С. 48–50.

Гурулёв С.А. Эвенкийские топонимы от названий рыб. — 1998. № 3. С. 27–32.

Гусейнова Т.Н., Нагайцева Н.Д. Праздник стрижки овец. — 2002. № 16. С. 22–28.

Гущина В.А. Музей-заповедник «Кижы»: из истории создания. — 2001. № 12. С. 49–59.

Декларация о национальном возрождении эвенков Севера, Сибири и Дальнего Востока. 30 марта 1993 г. — 1998. № 4. С. 54–55.

Демидов С.В. О втором обретении мощей епископа Иркутского Иннокентия. — 2002. № 15. С. 39–42.

Дионисий (Садовников), священник, Макаров А. Иркутский Вознесенский монастырь. — 2000. № 8. С. 53–58.

Дмитраков А.Н. Сказание о Нерпе. — 2000. № 11. С. 54–55.

Дмитриева Л.С., Моролев М.Н. Биток да заплечник. — 2002. № 16. С. 14–18.

Добрынина Е.А. Иркутские православные святыни. — 2000. № 8. С. 48–52.

Документы Учредительного съезда Союза музеев России. 26–27 октября 2001 г. — 2002. № 13. С. 68–71.

Дугаров Д.С. Ёрдынские игры. — 1996. № 1. С. 3–15.

Душкин Ю.С. Церкви Тельмы. — 1997. № 2. С. 20–23.

Если кто слуг содержит без присмотра: [Из памятника русской литературы XVI века «Домострой»]. — 2002. № 13. С. 80.

Етобаева Е.Г. Обряды сватовства у западных бурят (конец XIX – начало XX вв.). — 1996. № 1. С. 16–23.

Жамсаранова Р.Г. Архивные источники на службе топонимии Восточного Забайкалья. — 2000. № 10. С. 29–33.

Жамсаранова Р.Г. Этнокультурологический аспект в тунгусо-маньчжурских названиях с «рыбной» семантикой в топонимии Восточного Забайкалья. — 2004. № 20. С. 15–18.

Жебелев О.В. Музей истории соли России: Проблемы сохранения и специфика реставрации и эксплуатации памятника промышленного деревянного зодчества. — 2002. № 16. С. 36–44.

Журнал «Тальцы»: библиографический указатель. — 2004. № 20. С. 62–72.

Знаете ли вы Закон Божий? — 2001. № 12. С. 96.

Иванова М.М. Ботанические достопримечательности архитектурно-этнографического музея «Тальцы». — 1998. № 3. С. 51–62.

Ивановская Н.И. Казанский коллекционер В.И. Заусайлов. — 2000. № 11. С. 19–24.

Ивановская Н.И. Музеи под открытым небом в России (история, проблемы). — 1999. № 6. С. 47–50.

Игры Архангельской области. — 2004. № 20. С. 61.

Игумнова Н.Д. О круге чтения подвижника православия [святителя Иннокентия Вениаминова]. — 1999. № 5. С. 49–54.

Илария, монахиня, Крючкова Т.А. Иркутский Знаменский женский монастырь. — 2000. № 8. С. 67–71.

Иркутские архивы рассказывают [о святителе Иннокентии Вениаминове]. — 1999. № 5. С. 65–71.

Итоговый документ международного симпозиума «Актуальные проблемы исследования и спасения уникальных памятников деревянного зодчества России». 13–20 июня 1999 г. — 2000. № 9. С. 50–57.

Казанцева Л.А. «Гордиться славою своих предков...». — 2003. № 17. С. 91–97.

Калинина И.В. Канонизированные святые, мученики и исповедники земли Иркутской. — 2000. № 8. С. 6–20.

Каминская Л.П. Родовое гнездо: [Родословная Булдаковых]. — 2003. № 17. С. 26–34.

Козин А.З. Итанцинский острог. — 1999. № 7. С. 21–25.

Козлов И.И. «Тальцы» в истоке. — 2001. № 12. С. 86–95.

Колпаков В.В. Мой опыт составления родословной. — 2003. № 17. С. 75–80.

Кондрацкая Л.Л. Эта простая сложная Масленица. — 2002. № 13. С. 74–79.

Кочешков Н.В. Александр Федорович Миддендорф — первый исследователь этнографии и культуры аборигенных народов Амура. — 2000. № 11. С. 10–14.

Кочешков Н.В. Выдающийся российский тунгусовед и этнограф Глафира Макарьевна Василевич (1895–1971): к 30-летию ее кончины. — 2000. № 11. С. 15–18.

Кочешков Н.В. Декоративное искусство народов Чукотки и Камчатки. — 2002. № 16. С. 3–13.

Кочешков Н.В. Искусство народов Приамурья: вчера, сегодня, завтра... — 2000. № 10. С. 21–28.

Кочешков Н.В. Этнографические труды Якова Ивановича Линденау. — 2002. № 13. С. 3–7.

Крадин Н.П. Даурские остроги. — 2000. № 9. С. 3–13.

Крадин Н.П. Якутская деревянная крепость. — 1999. № 7. С. 3–10.

Краско А.В. Несколько советов начинающему генеалогу. — 2003. № 19. С. 73–79.

Красноштанов Г.Б., Нератова Л.С. Как начиналась деревня Казимирова и как она исчезла. — 2002. № 14. С. 3–9.

Кривдов А.В. К вопросу об экспозиционно-выставочном проектировании. (Из опыта Нижнеудинского музея). — 2002. № 14. С. 33–41.

Крылова Н.К. Ощутите время в музее часов. — 2000. № 11. С. 32–35.

Крючкова Т.А. Иркутская Благовещенская церковь. — 1999. № 5. С. 41–48.

Крючкова Т.А. Иркутяне в истории Посольского монастыря. — 2002. № 15. С. 30–38.

Крючкова Т.А., Лыхин Ю.П. «Я до последних дней внушал любовь к Отечеству...»: [Об иркутском священнике Ф. Верномудрове]. — 2003. № 18. С. 33–42.

Кузнецова М.В. Развитие военного образования в Иркутске в XVIII – первой половине XIX века. — 2001. № 12. С. 12–23.

Кузьмин Ю.В. Нина Павловна Шастина — исследовательница Монголии. — 2002. № 13. С. 22–26.

Куликаускене Н.В. Духовные подвижники земли Сибирской. — 2000. № 8. С. 21–31.

Кунсткамера. — 1997. № 2. С. 57–58.

Курьшев А.В. Сарепта — миссия на Волге: [Об историко-этнографическом и архитектурном музее-заповеднике «Старая Сарепта»]. — 2002. № 15. С. 43–50.

Лоргоктоев В. Стихи. — 1998. № 4. С. 68–70.

Лынша О.Б. Развитие начального образования у сельского населения Забайкальской области во второй половине XIX века. — 2001. № 12. С. 29–42.

Лыхин П.И. Жизнь и думы, всего понемногу: [Из воспоминаний]. — 2002. № 14. С. 24–29.

Лыхин Ю.П. Бесконечная история: [Родословная Таракановых]. — 2003. № 19. С. 3–17.

Лыхин Ю.П. Одна старая фотография: [История семьи Таракановых]. — 2002. № 14. С. 10–19.

Лыхин Ю.П. Приоткрывающиеся поколения: (К истории ленского рода Лыхиных). — 2003. № 17. С. 51–74.

Максимов С.В. Куль хлеба и его происхождения. — 1997. № 2. С. 55–56.

Манушкина Е.Г. Отчет о результатах экспедиции в Качугский район в 1999 году. — 2000. № 10. С. 34–39.

Мартынова Г.С., Покровская А.Ф. Музей-заповедник «Томская Писаница». — 1998. № 4. С. 51–53.

Матханова Н.П. Свт. Иннокентий и деятели администрации Восточной Сибири. — 1999. № 5. С. 55–57.

Мельникова Л.В. Тофы и добыча золота в бассейне реки Бирюсы. — 2000. № 10. С. 8–20.

Миличик М.И. Успенский монастырь Тихвина: эволюция его деревянных укреплений в XVII веке. — 2000. № 9. С. 14–23.

Михайловская А.И. Братский острог. — 1999. № 6. С. 20–36. Молитва Святителю Иннокентию, Митрополиту Московскому, апостолу Америки и Сибири. — 1999. № 5. С. 4.

Молитвы сибирским святым. — 2003. № 18. С. 71–72.

Назаркин А.Д. Ангарская лодка-долбленка. — 2002. № 16. С. 19–21.

Назаркин А.Д. «Аргамчи-Ыры» — большой праздник маленького народа. — 2004. № 20. С. 3–9.

Назаркин А.Д. Игра в лодыжки (по материалам экспедиции в с. Байкало-Кудара, Республика Бурятия). — 2002. № 15. С. 27–29.

Назаркин А.Д. Орнамент на обрядовых полотенцах русских крестьянок Приленья. — 2002. № 14. С. 20–23.

Найканчина А.П. Промысловые и оленеводческие обряды баунтовских орочонов. — 1998. № 3. С. 12–20.

Намсараев Х. Стихи. — 2000. № 10. С. 66–67.

Народная память о разрушенных храмах. Материалы фольклорных экспедиций ИГПУ. — 2000. № 8. С. 72–73.

Наумова Н.Н. Духовенство Иркутской губернии в начале XX века. — 2003. № 18. С. 26–32.

Немтушкин А. Старый чум: [Стихотворение]. — 1998. № 4. С. 67.

Нерчинский договор 28 августа 1689 года. — 1999. № 6. С. 69–71.

Нефедьева А.К. Ангинские корни святителя Иннокентия Вениаминова. — 1999. № 5. С. 15–21.

Нефедьева А.К. Введенская церковь города Илимска и ее реконструкция. — 1999. № 7. С. 11–15.

Нефедьева А.К. Казанская привратная церковь Илимского острога. — 2000. № 8. С. 59–66.

Нефедьева А.К. Мукомольный промысел в Среднем Приангарье (конец XIX – начало XX вв.). — 1997. № 2. С. 3–9.

Нефедьева А.К. Реставрация ангинского дома свт. Иннокентия и создание мемориальной экспозиции. — 1999. № 5. С. 58–61.

Нефедьева А.К. Сельский погост (история создания одной экспозиции). — 2003. № 18. С. 60–63.

Нефедьева А.К. Экспозиция церковно-приходской школы в музее «Тальцы». — 2001. № 12. С. 60–65.

Нефедьева А.К., Пушкина Т.Л., Лыхин Ю.П. Музей «Тальцы». Экспедиционные поездки 2000 года. — 2000. № 11. С. 25–31.

Никифоров-Волгин В.А. Юродивый: [Рассказ]. — 2003. № 18. С. 67–70.

Никифоров Л., священник, Никифорова М.Л. Бог вечен... Бог есть любовь. — 2003. № 18. С. 3–10.

Никифорова М.Л. «Новогодняя сказка» в «Тальцах». — 2004. № 20. С. 42–48.

Никифорова М.Л. Сибирский лес (сибирские названия леса, используемого в крестьянском хозяйстве). — 2004. № 20. С. 19–24.

Нимбуев Н. Стреноженные молнии. Метиска: [Стихи]. — 1996. № 1. С. 37–38.

Новосёлова М.Р. Айсберг моей родословной. — 2003. № 17. С. 35–50.

Новосёлова М.Р. Фамилия Сизых в Иркутской губернии (области) в XVII–XX веках. — 2003. № 19. С. 18–30.

Оегир Н.К. Стихи. — 1998. № 3. С. 63–65.

Орфинский В.П. Осколки архитектурного континента: Индикатор цивилизованности. — 2002. № 15. С. 51–59.

Орфинский В.П. Осколки архитектурного континента: Кризис или катастрофа? — 2002. № 13. С. 52–67.

Орфинский В.П. Осколки архитектурного континента: Этические аспекты сохранения архитектурного наследия. — 2002. № 14. С. 46–63.

Орфинский В. [Письмо в редакцию журнала «Тальцы»]. — 2004. № 20. С. 49–50.

Павлов А.А. Охотники-оленоводы верховьев Нижней Тунгуски. — 1998. № 4. С. 44–47.

Павлов А.А. Экспозиция эвенкийского сектора музея «Ангарская деревня». — 1998. № 3. С. 33–38.

Пирогов К.Г., Степанова Н.П., Шевырин С.А. Архитектурно-этнографический музей «Хохловка». — 1999. № 6. С. 42–46.

Письмо Министерства культуры Российской Федерации «Об актуальных проблемах сохранения Музейного фонда Российской Федерации». 24 марта 2000 г. — 2000. № 10. С. 53–63.

Подобина Н.А. Экспедиция на Зимний берег Белого моря. — 2002. № 13. С. 27–33.

Полетаева Л.Г. Вклад декабриста Николая Александровича Бестужева в культуру Забайкалья. — 2002. № 13. С. 8–14.

Положение о Научно-методическом центре Сибири и Дальнего Востока по проблемам музеев под открытым небом архитектурно-этнографического профиля на базе архитектурно-этнографического музея «Тальцы» (г. Иркутск). 24 июля 1999 г. — 2001. № 12. С. 80–82.

Полунина Н.М. Иркутский монголовед Александр Васильевич Игумнов (1761–1834). — 2000. № 11. С. 3–9.

Полунина Н.М. Краткая летопись земной жизни и апостольских деяний свт. Иннокентия. — 1999. № 5. С. 5–14.

Полунина Н.М. Хроника основания сибирских острогов в XVI–XVII веках. — 1999. № 6. С. 3–11.

Полунина Н.М. Этнограф и путешественница Александра Викторовна Потанина (1843–1893). — 2002. № 13. С. 15–21.

Поляков Т.П. Музей будущего: проблема выбора модели. — 2000. № 10. С. 44–52.

Полянская Ю.Н. Умеем ли мы читать газеты? (Дореволюционная периодика Иркутской губернии как генеалогический источник). — 2003. № 19. С. 64–72.

Пономаренко К.А. «Перемелется — мука будет». — 1997. № 2. С. 10–14.

Пономарёва Н.С. Глуховы: 100 лет на станции Иннокентьевская. — 2003. № 19. С. 42–56.

Портола А.В. Языческие обряды в музее «Томская Писаница». — 2002. № 16. С. 29–32.

Постановление губернатора Иркутской области «О реорганизации государственного учреждения культуры „Иркутский областной краеведческий музей“». 25 августа 1999 г. — 1999. № 6. С. 62.

Постановление Общего собрания Союза музеев России. 29 июня 2003 г. — 2004. № 20. С. 51–53.

Преловский А.В. Сказ про Ваню Попа и его родоу: Родословная поэма. — 2003. № 17. С. 98–102.

Приказ Министерства культуры Российской Федерации «О Научном совете исторических и краеведческих музеев при Министерстве культуры Российской Федерации». 7 апреля 1998 г. — 1999. № 7. С. 63–66.

Приказ Министерства культуры Российской Федерации «О Федеральном научно-методическом совете по сохранению культурного наследия (недвижимые памятники истории и культуры) Министерства культуры Российской Федерации». 25 августа 1998 г. — 1999. № 6. С. 57–61.

Протасова Н.И. Нижнеудинский острог. — 1999. № 7. С. 16–20.

Пушкин А.С. Моя родословная. — 2003. № 19. С. 82–84.

- Распутин В.Г.** На роду написано. — 2003. № 17. С. 3–4.
- Романова Н.М.** Научно-методическая деятельность Российского Этнографического музея с региональными музеями: опыт работы и перспективы. — 2002. № 13. С. 45–51.
- Руденко Ю.Т.** Топонимия озерных рек. — 2002. № 16. С. 33–35.
- Русановский А.П.** Не все мелется... — 1997. № 2. С. 15–17.
- Русские народные загадки. — 2000. № 9. С. 66.
- Русские пословицы и поговорки. — 2000. № 9. С. 67–68.
- Русские пословицы о семье, родне, роде, племени. — 2003. № 17. С. 103–104.
- Сибирские названия мельниц / Публикация С.А. Гурулёва. — 1997. № 2. С. 18–19.
- Скалон В.Н.** О былой жизни эвенков в доенисейской Сибири. — 1998. № 4. С. 7–16.
- Скобелев С.Г.** Саянский острог. — 1999. № 7. С. 26–31.
- Скороговорки. — 2002. № 15. С. 88.
- Скрипкина Л.И.** Музей в системе постмодернистской парадигмы научного знания. — 1999. № 7. С. 51–57.
- Скрипкина Л.И.** Роль нового гуманитарного знания для создания и проектирования экспозиций историко-краеведческих музеев. — 2000. № 9. С. 40–49.
- Слово об Олеге Бычкове: [Некрологи]. — 2000. № 8. С. 32–35.
- Снопков С.В.** Священник Култукской Свято-Николаевской церкви Иннокентий Иванович Чуринов. — 2003. № 18. С. 19–25.
- Состав подсекции этнологического наследия (народная архитектура и этнография) Федерального научно-методического совета Министерства культуры Российской Федерации. — 2000. № 11. С. 48–50.
- Струк Н.С.** Жизнь усадьбы почетного гражданина Иркутска. — 2003. № 17. С. 81–87.
- Сундуева Д.Б.** Два народа — два языка. — 2004. № 20. С. 10–14.
- Тарасов В.И.** Глиняная игрушка в Иркутске (80–90-е годы XX века). — 2002. № 15. С. 12–18.
- Тарасов В.И.** Игрушка и творческий процесс в начальном художественном образовании. — 2001. № 12. С. 43–48.
- Тарасов В.И.** К истории бурятского казачества. — 2000. № 10. С. 3–7.
- Тарасов В.И.** Тунгусские казаки на Забайкальской границе. — 1998. № 4. С. 22–25.
- Тарасов В.И.** Эволюция военного костюма иркутских казаков. — 1997. № 2. С. 24–32.
- Терентьева В.И.** Историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское». — 1998. № 3. С. 39–43.

Терентьева В.И. История семьи шушенского купца Урбана. — 1999. № 7. С. 47–50.

Терминология родства. — 2003. № 19. С. 85–88.

Тихонов В.В. Архитектурно-этнографический музей «Тальцы» — история, современное состояние и задачи на будущее. — 1997. № 2. С. 48–52.

Тихонов В.В. Бурятская юрта конца XIX – начала XX века из улуса Баянгазуй. — 2002. № 13. С. 39–44.

Тихонов В.В. Варианты сохранения и возрождения народных промыслов в музее «Тальцы». — 2002. № 15. С. 65–67.

Тихонов В.В. К вопросу обоснованности использования ноделов при создании музеев под открытым небом. — 2002. № 16. С. 45–48.

Тихонов В.В. К вопросу о выработке универсального показателя эффективности работы учреждений культуры в современных условиях. — 2000. № 11. С. 41–47.

Тихонов В.В. К вопросу о приоритетах в культурной политике России на пороге третьего тысячелетия. — 1999. № 7. С. 58–62.

Тихонов В.В. К вопросу о создании в Коломенском историко-этнографического музея России. — 1999. № 6. С. 51–56.

Тихонов В.В. Сенокосная заимка Среднего Приангарья конца XIX века. — 2000. № 11. С. 36–40.

Тихонов В.В. Традиционная народная культура России и актуальность ее сохранения. — 2002. № 15. С. 60–64.

Тихонов В.В. Усадьба крестьянина Зарубина Среднего Приангарья начала XX века. — 2001. № 12. С. 66–70.

Тихонов В.В. Усадьба Непомилуева из деревни Гарманка. — 2004. № 20. С. 34–41.

Тихонов В.В. Эвенкийские стойбища музея «Тальцы». — 1998. № 4. С. 59–62.

Ткачевич Г.А. Белорусский раритет — государства авторитет, или Перспективы развития Белорусского государственного музея народной архитектуры и быта. — 2002. № 13. С. 34–38.

Толстой В.И. Выступление на Всероссийском совещании музеев (г. Санкт-Петербург, 17–21 декабря 2000 г.). — 2001. № 12. С. 71–79.

Тофаларские загадки. — 2000. № 11. С. 56.

Трофимов М.Е. Стихи. — 2004. № 20. С. 56–60.

Удыгир И.Т. Эвенки рода вилюйских удыгиров. — 1998. № 4. С. 17–21.

Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Перечня объектов исторического и культурного наследия на-

родов федерального (общероссийского) значения». 20 февраля 1995 г. — 1996. № 1. С. 28–31.

Уткин Н.Н. Архангельский музей деревянного зодчества «Малые Корелы». Обзор проблем. — 2002. № 14. С. 42–45.

Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». — 2002. № 14. С. 64–73; 2002. № 15. С. 68–83; 2002. № 16. С. 49–65.

Федеральный закон «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации». 24 апреля 1996 г. — 1997. № 2. С. 40–44; 1998. № 3. С. 44–48.

Феликсова Ю.В. Архангельский государственный музей деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы». — 2002. № 14. С. 30–32.

Харченко Л.Н. Миссионер-священник Иаков Чистохин. — 2003. № 18. С. 11–18.

Цивилев Н.И. Заметки о северобайкальских тунгусах (1880–1916 гг.). — 1998. № 3. С. 8–11.

Цыдыпова Р.И. Этнографический музей народов Забайкалья. — 1996. № 1. С. 24–27.

Шаманские песнопения сибирских тюрков. — 2002. № 16. С. 68–71.

Швец И.В. Священник Михаил Семенович Мещеряков. — 2003. № 18. С. 43–50.

Шевгина Л.А., Семенов В.М. Ангарская деревня. — 1997. № 2. С. 33–39.

Шевелёва Е.В. Каргопольская глиняная игрушка: прошлое и настоящее промысла. — 2002. № 15. С. 3–11.

Щербин В.Т. О самобытности и значении архитектурно-градостроительного наследия города Усолья-Сибирского. — 2000. № 9. С. 24–33.

Эвенкийские народные игры / Собрал И.Т. Удыгир. — 1998. № 4. С. 71.

Эртюкова Н.С. Старейший в Сибири: страницы истории. — 2000. № 10. С. 40–43.

Этнографические головоломки. — 1996. № 1. С. 39; 1997. № 2. С. 58; 1998. № 3. С. 67; 1998. № 4. С. 72; 1999. № 6. С. 72; 1999. № 7. С. 72.

Якутские загадки. — 2002. № 16. С. 72.

Янчуковский Н.В., Янчуковская Т.Г. И прошлое и современность (родословная семей Янчуковских). — 2003. № 19. С. 31–41.

Ячменёв Е.А. Тридцать лет Иркутскому музею декабристов. — 1999. № 7. С. 43–46.

Составлено Ю.П. Лыхиним